

ДЕТЕКТИВ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ

НАТАЛЬЯ
БОРОХОВА

ВИЗИТНАЯ
КАРТОЧКА
ХИЩНИЦЫ

ЭКСМО

Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Визитная карточка хищницы

«ЭКСМО»

2004

Борохова Н. Е.

Визитная карточка хищницы / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2004 — (Адвокатский детектив)

Глава преступной группировки Александр Суворов планировал податься в политику, а оказался за решеткой. Так молодому адвокату Елизавете Дубровской досталось очередное малоприятное дело: защищать Ивана Зверева, ближайшего помощника Суворова. Главный адвокат процесса, влиятельный и могущественный Грановский, несмотря на множество доказательств вины его подзащитного, уверенно ведет дело к развалу. А как же иначе, если все свидетели либо подкуплены, либо запуганы и отказались от своих прежних показаний? В этой ситуации от Дубровской требуется одно: не высовываться и забыть о том, что случайно стало ей известно, – эта банда была причастна к гибели ее отца. Но когда к девушке попали показания таинственного свидетеля, обличающие Суворова, она решила во что бы то ни стало найти анонима и заставить его выступить в суде. Лиза не могла допустить, чтобы бандиты, по вине которых она осталась без отца, вышли на свободу...

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Борохова

Визитная карточка хищницы

* * *

Мягкие, по-осеннему неуверенные солнечные лучи нехотя пробивались через плотное кружево портьер. Оставляя причудливые блики на потолке, стенах, отражаясь в зеркалах, они постепенно заполняли собой просторную комнату. Позевывая, выбрался из своей корзинки спаниель и, бесшумно ступая по паркету мягкими лапами, потрусил к кровати. Ткнувшись холодным носом в плечо спящей хозяйки, пес улегся на домашние туфли и приготовился к терпеливому ожиданию утренней прогулки. Однако в этот раз ждать пришлось недолго. Вначале из-под одеяла появилась маленькая аккуратная ступня и, спихнув пса с насиженного места, спряталась обратно. Буквально через несколько минут весело зажурчала вода в ванной, оповещая домашних о том, что сегодня Елизавета чрезвычайно занята и, вероятно, очень торопится. Няня Софья Илларионовна облегченно вздохнула. Сегодня она была освобождена от утомительного ритуала утреннего пробуждения своей любимицы, отнимавшего у пожилой женщины немало времени и сил. «Взрослеет девочка. Оно и понятно, новая жизнь на пороге...» – ласково подумала она, принимаясь за привычные утренние дела.

Весело напевая, Лиза стремительно выскочила во двор. Волна непривычной после утомительно жаркого и пыльного лета свежести окатила девушку с ног до головы, заставляя поднять воротник модного плаща и ускорить шаг. Нырнув внутрь красного «Пежо» и включив печку, Лиза перевела дух. Достав из сумки новенький органайзер, она с удовольствием принялась изучать распорядок намеченных на сегодня дел.

Итак, 7 сентября:

10.00 – встреча в адвокатской конторе «Законность».

13.00 – обед в «Поросятах».

16.00 – спортивный клуб.

19.00 – Макс и максимум удовольствий!

Последний пункт, помеченный жирным восклицательным знаком, не вызывал у Лизы ни малейших сомнений.

Адвокатская контора «Законность» располагалась в престижном месте деловой части города. Припарковав машину неподалеку от помпезного входа в адвокатское святилище, Лиза решила скоротать время, прогуливаясь вдоль сверкающих магазинных витрин. Меряя шагами тротуарные плиты, девушка, заметно нервничая, поглядывала на проезжавшие машины, ожидая увидеть знакомую машину отца. Она понимала, что повода для беспокойства у нее нет и вопрос о ее зачислении в штат сотрудников самой престижной адвокатской фирмы города уже практически решен. Однако пьянящее чувство начала взрослой самостоятельной жизни, лихорадочное возбуждение последних дней не давали Елизавете покоя. Поминутно поглядывая на часы, девушка сосредоточенно следила за плотным утренним потоком машин. Наконец, ровно за пять минут до назначенной встречи, сверкая серебристыми боками, к конторе подкатил знакомый «Мерседес». За серыми спинами охранников показалась массивная, даже несколько грузная фигура отца.

– Привет, лисенок! – ласково улыбнулся отец, внимательно оглядывая Елизавету с головы до ног. От его цепкого взгляда не ускользала даже самая незначительная деталь Лизино туалета. Будучи человеком чрезвычайно требовательным к себе и окружающим, Герман Андреевич Дубровский отличался крайней нетерпимостью ко всем проявлениям типичной русской

расхлябанности, к числу их он относил и неопрятный внешний вид. Редкий педантизм и занудные нотации, впрочем, давали свои плоды, но пока только на ниве воспитания собственных детей.

Оставшись довольным результатами беглого осмотра, Герман Андреевич, взяв под руку дочь, вошел в просторный холл адвокатской фирмы.

Отделанное в духе современного евроремонта помещение конторы тем не менее не было лишено индивидуальности. Массивная офисная мебель, глубокие кожаные кресла, шкафы с мерцающими золотым тиснением корешками книг придавали всей обстановке классический дух респектабельной стабильности, который вселял в посетителей непоколебимую веру в профессионализм здешних адвокатов. И действительно, немногочисленный штат сотрудников фирмы можно было по праву отнести к адвокатской элите. Обладая необходимыми связями, а также опытом прежней деятельности в правоохранительных органах города и области, адвокаты без особого труда добивались результатов по наиболее сложным и запутанным делам. Среди клиентов фирмы были известные руководители предприятий, банков, депутаты, первые лица областной и городской администрации. Список клиентов, безусловно, являлся бы лучшей рекламой деятельности адвокатской конторы, но фирма «Законность» в ней не нуждалась. Соблюдая строгую конфиденциальность, сотрудники фирмы дорожили своей профессиональной репутацией. За тяжелыми дубовыми дверями оставляли свои тайны проворовавшиеся чиновники, респектабельные родители неразумных отпрысков, воровские авторитеты отнюдь не мелкого масштаба и даже священнослужитель, обвинявшийся в соращении малолетних прихожан. Внушительные суммы гонораров навсегда провели черту между сотрудниками фирмы «Законность» и всем остальным адвокатским миром города, зарабатывающим на жизнь составлением дешевых исков и изматывающей беготней по знакомым следователям в поисках мало-мальски платежеспособных клиентов.

Ступив на мягкое ковровое покрытие, Лиза в нерешительности остановилась. К ним навстречу уже спешила секретарша красавица Мариночка. Строгого покроя бежевый костюм с юбкой чуть ниже колена, высоченные шпильки придавали законченность образу очаровательной элегантной девушки, являвшейся как бы частью деловой атмосферы офиса.

– Добрый день, Герман Андреевич, Елизавета Германовна! Присаживайтесь. Семен Иосифович освободится через несколько минут. Могу я вам предложить чай, кофе, сок?

Отказавшись, Герман Андреевич погрузился в удобное кресло и принялся изучать журнал автомобильных новинок. Елизавета, чтобы хоть как-то справиться с нарастающим волнением, поправляла прическу перед зеркалом.

Волнения были напрасны. Выглядела она замечательно. Небольшого роста, гибкая и стройная, она казалась значительно моложе своих 23 лет. Аккуратные, четко очерченные брови, стремительно поднимаясь от переносицы к вискам, придавали темно-карым глазам особую выразительность. Темные густые до плеч волосы контрастировали с безупречной матовой кожей лица, особое очарование которому придавала улыбка. Впрочем, лицом своим Елизавета была довольна. Немного огорчал девушку небольшой рост, столь непопулярный в эпоху длинноногих красавиц, гордо дефилирующих по подиумам мира. Высокие каблуки, на которых Лиза без усталости порхала с утра до вечера, помогали ей отчасти исправить ошибку природы. Миниатюрность, озорной нрав придавали ей образ беспечного подростка, столь привлекательного для зрелых мужчин. Однако внешний вид, словно обманчивая маска, скрывал за собой целеустремленную, деятельную натуру, наделенную изрядной долей упрямства и амбициозности. Эти черты характера Лиза унаследовала от отца, человека властного, нередко резкого в суждениях, что не мешало ему, впрочем, быть любящим отцом и надежной опорой для немногочисленных друзей.

В прошлом перспективный партийный работник, а ныне видный государственный чиновник, Герман Андреевич Дубровский являлся заметной фигурой на политическом небосводе

Уральского федерального округа. Несмотря на обилие полезных знакомств с нужными людьми, тесные дружеские отношения он предпочитал поддерживать со старыми товарищами по Уральскому политехническому институту. Свою будущую супругу, выпускницу музыкального училища, Герман Андреевич покорил не столько приятной внешностью, сколько ощутимой внутренней силой. За ним как за каменной стеной, о чем мечтают миллионы женщин, можно было укрыться от житейского ненастья. Когда миновал недолгий период бытовой неустроенности, Вероника Алексеевна с большим облегчением оставила неблагодарный педагогический труд, а с ним и мифические надежды на собственную музыкальную карьеру. Несколько нерешительная от природы, Вероника получала истинное наслаждение, занимаясь воспитанием дочери и сына, а также выполняя роль супруги известного человека. Со временем связь матери с дочерью проявлялась, пожалуй, лишь во внешнем сходстве да в некоторой мечтательности, свойственной им обеим.

От созерцания своего виртуального образа Лизу отвлек шум распахнувшейся двери. Прямо к ним, приветливо улыбаясь, семеня мелкими шажками заведующий юридической фирмой Семен Иосифович Грановский. Являясь личностью по-своему легендарной в адвокатских кругах, Семен Иосифович имел репутацию ловкого оборотистого юриста, появление которого в судебном процессе знаменовало собой залог грядущего успеха.

– Герман Андреевич, Елизавета! Милости просим! Проходите, будьте любезны! – разразился он шумными приветствиями, гостеприимно распахивая дверь своего кабинета.

Столь радушный прием несколько успокоил Лизу, и она с любопытством принялась рассматривать многочисленные дипломы хозяина уютного кабинета, развешанные по стенам. Мужчины обменивались обычными в таких случаях фразами о погоде и работе. Наконец очередь дошла и до Лизы. Оказалось, что вопрос о ее приеме на работу уже давно решен, как и следовало ожидать, положительно. Сегодняшняя встреча была лишь формальным представлением Лизы новому начальнику. Осведомившись о том, где девушка проходила стажировку, Грановский удовлетворенно кивнул.

– Замечательно, Лизонька, замечательно! Не обижайтесь на фамильярность. У меня дочь такого же возраста. Я вас беру под свою опеку. Без дела сидеть не будете. Еще на примете у меня есть неплохое консульство в одной коммерческой фирме.

Заметив недоуменный взгляд Лизы, Грановский поспешил объяснить:

– Работа юрисконсульта совсем не пыльная. Хороший гарантированный заработок каждый месяц. Опыт в хозяйственных делах. Чем плохо?

Окрыленная столь радужными перспективами, Елизавета восторженно поглядывала на отца. Выпив по рюмочке «Хеннесси», мужчины пожалы друг другу руки.

– Кстати, приступить к работе можешь через недельку. Отдохни немного. Работа не убежит! – весело напутствовал Семен Иосифович возбужденную девушку.

Лиза, утонув в массивном вращающемся кресле, вертелась из стороны в сторону, словно милый озорной ребенок. Ноги на высоченных каблуках едва доставали до пола. Для завершения идиллической картины не хватало разве что жвачки во рту и розового банта на макушке. Но будущему перспективному адвокату было не до построения своего делового имиджа. Она чувствовала себя превосходно в обществе этих двух могущественных покровителей, готовых вершить ее судьбу. Избалованная дочь высокопоставленного родителя, она воспринимала все это как должное. Заманчивое будущее само плыло к ней в руки, а Лизе оставалось лишь его благосклонно принимать.

Грановский не поленился проводить гостей до порога своего офиса. Обычно он так не делал. Известный адвокат привык принимать знаки внимания от окружающих, но никоим образом не раздавать их. Однако его сегодняшние визитеры стоили того. Лиза Дубровская

обещала стать тем золотым ключиком, каким Семен Иосифович собирался открывать двери тех высоких кабинетов, которые ему пока еще не были доступны.

В приемной, развлекая скучающего клиента, работал телевизор. Популярная ведущая с первого канала сообщала последние известия:

– В скором времени начинается рассмотрение уголовного дела по обвинению Александра Суворова. Процесс обещает сенсации и разоблачения. На скамье подсудимых – около тридцати человек, членов преступной организации. На их счету – многочисленные преступления. Кровавый след «суворовцев» выходит далеко за пределы Уральского региона и охватывает не только Москву, но и ближнее и дальнее зарубежье. Аналогов этой разветвленной преступной организации в России пока нет. Большинство «суворовцев», к сожалению, еще на свободе. У правоохранительных органов есть сведения о связи главаря преступного сообщества с криминальными структурами, с чеченской диаспорой в Москве...

Грановский остановился. Указав аккуратным пальчиком, на котором, искрясь всеми гранями, нежилась массивный перстень, в сторону экрана, адвокат доверительно прошептал Лизе:

– Без особых усилий, дорогая, вы в скором времени будете зарабатывать неплохие деньги. Это я могу вам обещать... Взгляните-ка на них. Это благодатный материал, с которым нам предстоит работать. Наш клиент хочет оказаться на свободе. Скажу вам по секрету: адвокаты могут творить почти невозможное...

Маленькая речь Грановского в большей степени была адресована отцу, нежели смущенной Лизе. Семен Иосифович просто из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать Дубровскому свою готовность протолкнуть его дочь в ряды самых преуспевающих защитников. Но похоже, что Герман Андреевич не оценил его усилий:

– Я очень надеюсь, что Лиза сама сможет выбирать себе клиентов. Слава богу, мы не доедаем последнюю краюшку хлеба, чтобы связываться с таким отребьем, как те, на кого вы сейчас показываете. Я бы предпочел для девочки что-то более достойное: гражданские дела, арбитраж...

Его голос звучал резко. От недавнего благодушия не осталось и следа.

– Без проблем, – постарался загладить оплошность Грановский.

Лиза же только пожалала плечами. Что до нее, то она невольно залюбовалась главным героем сегодняшнего репортажа. Внешне очень похожий на Алена Делона в молодости, Александр Суворов отличался от знаменитого француза, пожалуй, большей мужественностью. В выразительных синих глазах не было и намека на романтизм. Они смотрели на мир прямо и бескомпромиссно. Волевой подбородок как нельзя лучше свидетельствовал о непростом характере и недюжинном упрямстве молодого человека. Вокруг него кипели отнюдь не киношные страсти. Он был реален, красив и жесток одновременно. Он существовал не на экране, он жил, боролся, кружил головы женщинам где-то совсем рядом...

Черт возьми, но если ей предстоит работать с такими очаровательными бандитами, она совсем не имеет ничего против. Отец немного старомоден, с этим уже ничего не поделаешь. Но она, Лиза, скоро станет совсем самостоятельной, и последнее слово будет принадлежать только ей...

Людам не дано предвидеть будущее. Так и эта троица не могла предположить в тот погожий сентябрьский день, что судьба уже сделала свой выбор и совсем скоро каждый из них станет просто разменной картой в игре, где ставкой является жизнь. Но пока они об этом не знали и поэтому, обмениваясь прощальными любезностями, уже забыли о своих небольших разногласиях.

А с телевизионного экрана продолжал улыбаться Александр Суворов...

– Ну как, лисенок? Как тебе твое первое место работы, довольна? – спросил отец, открывая дверцу машины.

Ответ так ясно читался в сияющих глазах дочери, что он не выдержал и рассмеялся. Елизавета и вправду цвела. Улыбка, отражаясь в темных, почти черных глазах девушки золотыми искорками солнца, пряталась в уголках соблазнительных губ. Обычно слегка бледная, кожа щек порозовела. Елизавете стоило большого труда удержаться на месте, а не прыгнуть на шею к отцу с восторженным визгом. Подавив в себе детское желание, новоиспеченный адвокат Елизавета Германовна Дубровская звонко чмокнула отца в щеку.

– Папка, я тебя обожаю! – шепнула она. От ее взгляда не ускользнул немного утомленный вид Дубровского, слабая синева под глазами. – Надеюсь, у тебя все нормально?

– Да, – неопределенно махнул рукой Герман Андреевич. – Ты же знаешь, дела...

Радость часто эгоистична. Несколько минут спустя Елизавета уже мчалась на машине, позабыв тревогу за отца. Мысли ее витали где-то в будущем.

Вот она произносит заключительную речь по сложнейшему уголовному делу. Смело парируя доводы прокурора, она не оставляет и камня на камне от первоначального обвинения. Зал восторженно внимает. Последние слова блестящего адвоката тонут в шуме оваций публики.

Следующая картинка: Судья зачитывает оправдательный приговор. На улице ее уже дожидаются настырные журналисты. «Как вам это удалось, Елизавета Германовна?..» Цветы, поздравления от благодарных родственников...

И дальше: Она со своим другом ужинает в ресторане. Играет приятная музыка. К их столу подходит очаровательный бандит с огромным букетом цветов и золотой цепью на волосатой груди. Музыка затихает. «Друзья! Позвольте вам представить адвоката, подарившего мне свободу, – обращается он к публике. – Позвольте заказать в вашу честь музыку!» Память почему-то прокручивает хорошо знакомый мотивчик «Мурки»: «Сколько я зарезал, сколько перерезал...» Тем не менее ресторанный публика восторженно аплодирует. Шум становится все громче, громче...

Действительно, откуда такой шум? Увлечшись, Лиза заставила съехать на обочину вишневою «десятку», водитель которой, очень похожий на очаровательного бандита из недавних грез, посылая проклятия на голову всех женщин за баранкой, энергично крутил пальцем у виска.

Было уже восемь часов вечера, когда Герман Андреевич, отложив в сторону бумаги, встал с рабочего кресла. Разминая затекшие суставы, он прошелся по кабинету. День выдался крайне напряженным, да и чувствовал он себя неважно. Беседа со следователем областной прокуратуры прошла, казалось бы, гладко. Но все же воспоминания давящим грузом вины опять бередили душу. Как бы хотелось ему, разорвав завесу времени, вернуться на пять, а еще лучше на шесть лет назад, когда еще был жив Георгий...

Георгий... Порядочный человек, честный и принципиальный руководитель крупнейшего в области ликероводочного комбината «Сокол», он был не намного старше Германа Андреевича и, пожалуй, не был его близким другом. Они были товарищами, знакомыми еще с далеких студенческих лет. Товарищ... Какое замечательное и вместе с тем незаслуженно забытое слово. Именно так можно было охарактеризовать их отношения. Они мало пересекались по службе, но обычно были в курсе дел друг друга.

В то солнечное февральское утро, когда, казалось бы, зима хотела дать людям передышку, с крыш капала вполне весенняя капель. На деревья перед домом присела стая свиристелей. Они прилетали каждый год именно в феврале. После их веселого нашествия снег перед домом оказывался усыпанным остатками птичьего пиршества – красными, как кровь, ягодами. Тогда и раздался тот телефонный звонок. Захлебываясь рыданиями, женский голос в трубке сообщил, что ночью неизвестные во дворе дома жестоко избили Георгия и его зятя. Меньше чем через сутки Георгий Иванович Громов скончался в больнице, не приходя в сознание.

Если бы в те далекие февральские дни кто-то бросил Дубровскому упрек в его, пусть даже и невольной, причастности к гибели Георгия, тому бы не поздоровилось. Но сейчас, по прошествии пяти лет после гибели товарища, Герман Андреевич почти знал: если бы не он, события могли пойти по совсем иному сценарию и, возможно, Громов был бы жив. Но что он мог сделать?

Несчастье явилось в образе обаятельного молодого человека. Фамилия и имя великого полководца, казалось, были дарованы ему судьбой неспроста. Уже впоследствии многие телеканалы мира, взбудораженные событиями в маленьком уральском городке, повторяют имя Александра Суворова. Сам президент в беседе с министром внутренних дел затронет эту проблему. Но тогда... Кто мог предвидеть, что все сложится таким образом? Глава департамента сельского хозяйства Набиев представил ему скромного симпатичного парня как молодого предпринимателя, нуждающегося в протекции. Помнится, Герман Андреевич еще удивился, чем же он может быть полезен. Оказывается, услуга требовалась небольшая – познакомить Суворова с Громовым. Это предложение еще больше удивило Дубровского. Насколько он знал, а знал он это точно, Набиев, как глава департамента сельского хозяйства, ведал вопросами назначения первых руководителей пищевой промышленности области. Соответственно Громов находился в его непосредственном подчинении. Зачем же был нужен Дубровский? Ответ пришел позднее. Эта хитрая лиса Набиев, слегка побаиваясь неукротимого характера Громова, через Дубровского пытался подсунуть на комбинат «нужного» человека. Зная о теплом отношении директора «Сокола» к Герману Андреевичу, Набиев не сомневался в том, что протекция Дубровского будет полезной. Так оно и вышло. Суворов был представлен Громову как предприниматель, занимающийся реализацией винно-водочных изделий. В беседе молодой человек проявил осведомленность о состоянии дел на комбинате, дал понять, что заинтересован в развитии ликероводочного производства, предложил свои услуги по реализации продукции. С последним у предприятия в тот период действительно были трудности. Так что общий язык Громов и Суворов нашли быстро.

О дальнейших событиях Герман Андреевич узнавал из нечастых разговоров с Громовым по телефону и во время редких встреч в коридорах здания областной администрации. Молодой человек развил кипучую деятельность. Однако же созданные им фирмы-реализаторы постепенно перестали рассчитываться за получаемую продукцию. Их долг перед комбинатом исчислялся уже миллиардами рублей. Георгий Иванович нервничал, издал распоряжение о запрете отпуска продукции этим фирмам без предоплаты. Это решение, естественно, пришлось не по душе многим, включая Суворова. Этот молодой бизнесмен с обаятельной внешностью оказался очень напористым, а точнее, нахальным, но избавиться от него было уже невозможно. Супруга Георгия сетовала на то, что муж стал нервным, раздражительным, жаловался на здоровье. Она просила повлиять на него, заставить взять хотя бы отпуск. Незадолго до смерти Георгия Ивановича она, плача, говорила о своих дурных предчувствиях. Дубровский пытался успокоить женщину, полагая, что супруга Громова просто нагнетает обстановку.

– Клавдия, перестань! У тебя героический муж. Вот увидишь, все будет хорошо, – говорил он с легким оттенком иронии. – Волноваться нет никаких оснований!

– Как это никаких? Вчера вечером незнакомый мужской голос спросил Геру по телефону: «Ты разве еще не умер?»

... Вот если бы тогда он задумался! Хотя что бы он мог предпринять? Пожалуй, ничего. Даже тогда, после гибели Громова, он не знал истинных мотивов трагедии. Лишь после получения повестки и первой беседы в прокуратуре области правда открылась ему в своем безжалостном свете. Тот, кого он рекомендовал своему старому товарищу в тот далекий июльский день, тот обаятельный молодой мерзавец и стал причиной гибели Георгия Ивановича Громова.

Тишину пререзал телефонный звонок. От неожиданности Дубровский вздрогнул. Скорее всего это была супруга. Да, ему пора бы уже быть дома.

– Добрый вечер, Герман Андреевич! – раздался в трубке хорошо знакомый вежливый голос.

У Дубровского привычно засосало под ложечкой. Ладони почему-то стали влажными.

– Что вам опять нужно? – сухо поинтересовался он.

– Всего лишь встретиться с вами. Обещаю, это не займет много времени, – бесстрастно продолжал голос.

– Хорошо, давайте завтра. С утра, – предложил Дубровский.

– Сегодня. Ждите через час возле вашего дома, – закончил дискуссия собеседник. – Да, и еще... Пусть охрана не вмешивается. Обещаю, *сегодня* вам ничего не угрожает. Это просто разговор.

Повесив трубку, Дубровский невидящим взглядом уставился в окно.

Опять они... С самого начала следствия по делу Суворова его не оставляли в покое. Вежливые молодые люди призывали Дубровского к благоразумию. Именно в этой неизменной вежливости скрывалась жестокая по своей беспощадности угроза. Его даже не просили лгать, а всего лишь немного придержать информацию, известную ему из телефонных бесед с Громыным. А еще с ними была девушка... Какую роль играла она во всей этой истории, Дубровский не знал, но что-то неуловимо настораживающее было в жестком взгляде миндалевидных глаз, заметной напряженности кукольного личика. Она только присутствовала при разговорах, не вмешиваясь в беседу. Но что-то подсказывало Герману Андреевичу, что это присутствие вряд ли было случайным.

Самое неприятное заключалось в том, что Дубровский не мог их выгнать, каким-либо образом поставить на место. Что-то в последний момент останавливало его. Вряд ли это был страх. Возможно, простая осторожность? Тем не менее Дубровский знал, что на суде выскажет все, о чем умалчивал ранее. Прости, Георгий, и подожди... до суда.

Герман Андреевич прервал размышления. Был уже поздний час. Вероника, должно быть, уже заждалась. Пора ехать. Закрывая тяжелую дверь собственного кабинета, Дубровский уже без удивления вспомнил, что *им* известен адрес его дома...

Неприметная «десятка» уже стояла под сенью раскидистого тополя, когда машина Дубровского пересекла двор. Попросив охрану остаться, Герман Андреевич вышел в промозглую сентябрьскую ночь. Подняв глаза вверх, он быстро нашел знакомые окна. Их теплый свет, пробиваясь сквозь хмарь ненастья, приятно согрел сердце. Должно быть, Вероника уже волнуется, поминутно поглядывая на часы. А Софья Илларионовна, успокаивая хозяйку, прикидывает, не пора ли разогреть поздний ужин. На кухне привычно тикают старинные часы, а мохнатый любимец Лизы – спаниель по кличке Бакс – уже дремлет, свернувшись калачиком в прихожей.

– Еще раз добрый вечер, Герман Андреевич. Приносим извинения за столь позднее рандеву! Сами понимаете, дело не терпит отлагательств, – приветливо осклабилась здоровенный детина. Его побитое оспой лицо не выражало видимой угрозы.

– Не понимаю, у вас ко мне что-то срочное? Если так, то говорите быстрее. Я тороплюсь, – начал Дубровский.

– Что вы, что вы... Мы вас не задержим. Хотели просто поинтересоваться, как прошел ваш визит в прокуратуру. Уверены, что все нормально? – поинтересовался рябой.

Кукольная девица, стоящая неподалеку в компании двух молодых спортивного вида молодцев, внимательно следила за ходом разговора. Лицо ее напряглось.

– Надеюсь, все так, как мы с вами уже обсуждали, – настырно интересовался здоровяк.

Эх, с каким бы удовольствием Герман Андреевич плюнул сейчас в эту самодовольную рожу! Да еще бы хорошенько растер кулаком. Высказал бы все, что месяцами копилось на

сердце. За себя, за Георгия... Ну почему он, Герман Дубровский, вспыльчивый и резкий, не привыкший прощать подлость, ненавидящий людскую низость, стоит сейчас как истукан?

Вместо того Дубровский тихо ответил:

– Да-да. Все именно так, как договорились.

Рябой заулыбался еще шире:

– Приятно иметь дело с разумным человеком. Недаром Александр Петрович Суворов так на вас надеется. Кстати, вам от него горячий привет. Будьте здоровы, Герман Андреевич. И помните: у вас такая очаровательная дочь...

Закончить он не успел, поскольку Дубровский крепко держал его за ворот. На помощь уже спешила охрана. Но вмешательства ее не потребовалось. Спутники рябого среагировали моментально. По знаку кукольной девицы они оттащили здоровяка от Дубровского и запихнули его в машину.

– Простите, Герман Андреевич. Надеюсь, у вас все в порядке. Простите за досадное недоразумение. Больше такого не повторится, – первый раз услышал он мелодичный голос «куклы». – Прощайте.

Наблюдая, как темная «десятка», взвизгнув тормозами, поспешно покидает двор, Дубровский вдруг схватился за сердце.

– Вам плохо? – участливо спросил молодой охранник Володя.

– Нет-нет. Все нормально. Устал очень... Надо бы домой, – поморщился Дубровский.

Тупая ноющая боль, растекаясь в груди, казалось, заполняла собой все пространство. Скользя движения, она подбиралась к сердцу. Промозглый осенний воздух вдруг начал накаляться. Стало нечем дышать. Внезапно все закружилось в восхитительном вальсе: жухлые листья полуголых деревьев, темное мрачное небо с редкими блестками звезд, перепуганные лица охранников. Они крутились все быстрее и быстрее, вовлекая Дубровского в бездонный смертельный водоворот.

Совершенно некстати вдруг вспомнилась ему фраза, сказанная сегодня следователем прокуратуры: *«Можете быть спокойны. Суворов не уйдет от ответственности. Его предали. У нас есть показания, которые произведут эффект атомного взрыва в Хиросиме».*

Суворова предали? Но кто же предатель? Одно Дубровский знал определенно: этого человека ждет смерть. Смерть медленная, мучительная и оттого еще более страшная...

Последнее, что увидел Герман Андреевич, перед тем как потерять сознание, были теплые ждущие окна любимого дома.

Вечером того же дня, укрывшись в уютной кабинке ресторана «Атриум», Лиза сообщала последние новости Макс. Тот, снисходительно улыбаясь, выслушивал восторженный поток речи своей подруги. Выждав паузу, он взял руку девушки:

– Знаешь, я действительно очень рад за тебя. И у меня для тебя есть сюрприз. Понимаю, что это банально, но, прости, ничего не мог придумать оригинального...

С этими словами он вынул из кармана длинный бархатный футляр. Открыв его, Лиза восхищенно замерла. На мягкой замшевой подушечке, сверкая зелеными капельками изумрудов, лежал изящный браслет.

– Ну, как тебе? Надеюсь, не очень ужасно? – тихо спросил Максим.

– Что ты! Такая прелесть! – восторженно начала Лиза, но потом осеклась. – Только я не совсем поняла, по какому поводу подарок? По случаю начала новой трудовой жизни, так, что ли?

Макс смутился:

– Нет... То есть да. Впрочем, конечно. Новая жизнь, только другого плана. Короче... – Тут он собрался с духом и, не глядя на Лизу, выпалил: – Давай поженимся.

Лиза не выдержала и расхохоталась.

– Макс, ну ты оригинал! Предлагая руку и сердце, дамам обычно дарят кольцо.

Макс смутился еще больше. Обычно уверенный в себе, в этой ситуации он чувствовал себя как герой дешевого сериала, и эта роль его явно не устраивала.

– Извини, я не понял ответа. Ты не согласна?

Этот прямой вопрос, требующий такого же ответа, обескуражил Лизу.

Что она, собственно, о нем знала? Сынок обеспеченных родителей, Максим Лисицын, как, впрочем, и Елизавета, не знал, что такое нужда, длинные магазинные очереди, продуктовые талоны. Далекое советское детство запечатлелось в его памяти вереницей приятных воспоминаний: рокотом бархатных волн Черноморского побережья, привольем обкомовских дач, сказочными подарками на Новый год и день рождения, белой отцовской «Волгой» с персональным водителем дядей Мишей. Другие воспоминания, прячась в тайниках сознания, редко выплывали наружу. Сопливые дворовые пацаны с вечно драными штанами, смолящие сигаретки в подвале тайком от родителей, не упускали случая поддать тумака «буржуйскому» отпрыску, окатить грязью новенький венгерский костюм, подставить подножку на перемене. Терпкий осадок собственной беспомощности, обида и элементарный страх, сотню раз прокручиваясь в детском мозгу, заставляли искать выход. Обладая от природы гибким, изворотливым умом, с лихвой компенсирующим отсутствие физической силы и храбрости, Максим сделал ставку на покровителей. Таким стал здоровенный восьмиклассник, которого дворовая ребятня окрестила почетным прозвищем Пахан. Сын школьной уборщицы и трижды судимого зэка быстро согласился на выгодную сделку. Получая скромное вознаграждение в виде части школьного завтрака, которое заботливая мать Максима каждое утро укладывала сыну в ранец, Пахан быстро приструнил особо шустрых пацанов.

Избавившись таким образом от отдававшей горечью проблемы, Макс мог вздохнуть свободно. Приятный, с иголки одетый, всегда вежливый мальчик был глубоко симпатичен как пожилым, так и молоденьким учительницам средней школы. Даже суховатая седовласая директриса, чрезвычайно строгого нрава женщина, находила в нем качества, давно, по ее мнению, утерянные современным поколением: воспитанность, благородство, неизменную корректность по отношению к взрослым. А вот физруку, молодому двадцатипятилетнему здоровяку, Макс так не приглянулся. Испытывая видимое удовольствие, тот постоянно высмеивал скромные физические возможности парня. Девчонки давились от хохота, выслушивая остроумные комментарии молодого преподавателя. Решение, как избавиться от докучливого внимания физкультурника, а заодно и от него самого, пришло не сразу. Используя особое расположение директрисы, Макс как-то в одном из частных разговоров с ней, краснея, признался в том, чему сам якобы был свидетелем. Физрук подглядывал в раздевалку девочек. Будучи дамой незыблемых моральных устоев, директриса успокоила взволнованного мальчишку и приняла срочные меры. Физрук с треском вылетел из школы, даже не подозревая, что стал жертвой вендетты четырнадцатилетнего школяра. Это происшествие стало для него знаковым – он нашел линию поведения. В дальнейшем покровители и покровительницы, сменяя друг друга на разных этапах жизни молодого человека, позволяли ему вести приятную во всех отношениях жизнь, лишённую досадных помех. Лишь однажды четко налаженная система чуть не дала сбой. Являясь помощником молодого перспективного депутата Законодательного собрания области, Макс чуть не влип в неприятную историю. Лишь своевременное вмешательство родителей позволило ему избежать тюремной камеры и остаться в числе свидетелей, а не соучастников. Пережив это жизненное испытание, Максим Лисицын решил впредь относиться к выбору покровителей более осторожно.

Обо всем этом Елизавета, конечно же, не знала. Перед ней сидел красивый молодой мужчина с хорошими манерами, уверенный в себе, даже несколько надменный, что выдавали ироничный прищур глаз, горделивая посадка головы, элегантный, даже несколько щеголева-

тый костюм. Любила ли она его? Об этом Елизавета даже не задумывалась. С ним было приятно проводить время, он был интересным собеседником, да и, чего греха таить, в постели с ним было хорошо. Изобретательный нежный любовник, внимательный и страстный. Елизавета получала истинное наслаждение, проводя с ним бурные ночи то в пустующей квартире его друга, то у него дома. Родители Макса всячески способствовали этой связи, считая Лизу подходящей партией. Постепенно Елизавета привыкла к нему как к необходимой вещи, делающей ее жизнь милой и комфортной. Как к любимому игрушечному мишке, которого каждый вечер она укладывала с собой на подушку. Подаренный на ее десятилетие, плюшевый любимец уже изрядно истрепался, но, чтобы выбросить его или же просто заменить, Лиза и думать не могла. Да, удивил Макс... Надо же – женитьба! Отказаться вроде бы глупо. Все Лизины подруги были от него без ума. Еще бы – красивый, богатый, перспективный... У женщин пользуется успехом. Достаточно взглянуть на ту блондинку у барной стойки с ошеломительным декольте, которая уже в течение часа пялила на него глупые голубые глаза.

– Знаешь, Макс, это все так неожиданно. Мне нужно время подумать... – неожиданно для себя сказала Лиза.

Заметив обиженное выражение лица своего приятеля, Лиза быстро приняла решение:

– Давай будем считать это нашей помолвкой. Ты не против? А со свадьбой решим все в ближайшие месяцы, – очаровательно улыбнулась она.

Макс облегченно вздохнул. Морщинка, прорезавшая высокий лоб, исчезла. Он снова был в прекрасном настроении.

– Думаю, это событие стоит отметить. Едем ко мне?

Проходя мимо барной стойки, Лиза тайком показала блондинке язык.

Утро, рассыпав по тротуару блестящие зеркальца луж, неторопливо подкрашивало небо-свод в яркие солнечные тона. Елизавета возвращалась домой в приподнятом настроении, ничуть не переживая о том, что родители, вероятно, волнуются по поводу ее отсутствия. Мысли ее витали где-то очень далеко и совсем не желали спускаться на грешную землю. Прыгая через лужи, Елизавета прикидывала, стоит ли родителям говорить о помолвке. Мама, конечно же, будет в восторге. Но вот отец... Герман Андреевич не приветствовал дружбы своей дочери с Лисицыным. Называя его не иначе как «хлюстом», Дубровский тем не менее не имел убедительных аргументов, способных бросить тень на безупречную репутацию Макса. Разве что его абсолютная безупречность. Она-то и настораживала Дубровского, который искренне полагал, что у хорошего человека недостатки должны быть в обязательном порядке. И если их не видно, то это лишь означает, что они умело скрыты и могут выскочить наружу в тот момент, когда ты к этому совсем не готов. В ответ на столь абсурдные, по ее мнению, слова Вероника Алексеевна лишь пожимала плечами и советовала не морочить девочке голову.

Лиза невольно улыбнулась, вспомнив события прошлого дня. «Нужно будет пометить этот календарный день крестиком», – подумала она. Еще бы! Получение престижного места в крупнейшей адвокатской фирме города и предложение руки и сердца в один день. Да она просто бессовестно счастлива! Невероятно счастлива! А вчерашний день был только прелюдией к началу новой жизни, щедро распахнувшей ей свои объятия.

Взлетев в одно мгновение на площадку третьего этажа, Лиза позвонила в дверь. Кажется, никто не торопился ей навстречу. Нетерпеливо стукнув пару раз кулаком в мягкую дерматиновую обивку, Лиза для пущей убедительности добавила еще пару ударов ногой по дверной коробке. Наконец за дверью раздались чуть приглушенные шаркающие шаги. Софья Илларионовна открыла дверь.

– Ну, спасибо! Я уж думала, меня здесь не ждут, – начала Лиза, но что-то вдруг заставило ее остановиться. – Няня, что с тобой?

Подбородок старой женщины задрожал. Слезы уже знакомой дорожкой заструились по доброму морщинистому лицу. Срывающимся голосом она тихо произнесла:

– Держись, милая. Папы больше нет...

Секретарша Мариночка робко перешагнула порог кабинета Грановского и в нерешительности остановилась.

«Хозяин» (именно так за глаза его величала Марина) был занят. Легкой щеточкой он сметал почти невидимую пыль с антикварных штучек, в изобилии расставленных в той части кабинета, которую Грановский называл «презентационной». Здесь нашлось место паре глубоких кожаных кресел, столику-бару и всему тому, что нужно для создания непринужденной обстановки. Все остальное пространство занимали полированные стеллажи, на которых в строго отведенных местах грели взгляд хозяина и изумляли респектабельных господ многочисленные, совсем не пустячные презенты благодарных клиентов.

Всякий, кто шел к Грановскому, знал, что самый верный путь добиться согласия на ведение его дела – вовсе не пухлый конверт с гонораром, это подразумевалось само собой, но перед этим требовалось поразить адвоката диковинкой из лавки антиквара. Всякий новый эксклюзивный подарок подолгу грел глаз хозяина. Грановский время от времени брал его в руки, укачивал в ладонях, стирал невидимые пылинки и вновь отправлял на полку. Но далеко не все, что приносили в этот кабинет, занимало свое место в «презентационной». Нередко по только ему известным критериям презент браковался, а через некоторое время завсегда антикварных лавок встречали указанный реликт на прилавке. Зато остальные занимательные вещицы составляли одну из богатейших коллекций города. Приятные во всех отношениях заботы по уходу за старинными вещами Грановский не доверял никому. Как-то раз растяпа-уборщица разбила одну из миниатюрных китайских ваз не то начала XIX, не то более раннего века. По скудости ума она не сразу сообразила, что маленькая невзрачная вещица с полустершейся позолотой и неброским рисунком представляет какую-либо ценность. Дома ее муж слесарь Петюня вполне прилично склеил вазочку суперстойким клеем, и на следующий день она заняла свое привычное место на стеллаже в кабинете хозяина. Не прошло и недели, как Грановский, производя традиционную ревизию своих богатств, обнаружил редкое по своему вероломству надувательство. Взяв в руки бесценное произведение искусства, он поднес его к свету в надежде насладиться тонким рисунком древних китайских мастеров. Но вот ужас! Пересекая изящную головку золотой птицы, по вазочке змеилась уродливая кривая трещина, замаскированная прозрачной жидкостью с отвратительным запахом. То, что случилось потом, напоминало «Последний день Помпеи» в несколько смягченном варианте. Следствие было недолгим. Уборщица созналась во всем и через пять минут была выставлена на улицу с расчетом в кармане и в полнейшем недоумении. С тех пор Грановский взял под собственный контроль назначение технического персонала, а заодно и заботу о сохранении своей бесценной коллекции.

Марина топталась у порога, дожидаясь, пока хозяин соизволит хоть как-нибудь отреагировать на ее присутствие. Нарушать уединение заведующего в столь интимные для него минуты было чревато последствиями. Оторвавшись от созерцания очередного шедевра, Грановский смерил девушку недовольным взглядом.

– Ну, что еще? – процедил он.

– Семен Иосифович! В приемной вас ожидает Голицына Ольга, – сверившись с блокнотом, произнесла Марина.

– Кто такая? – нахмурив брови, буркнул Грановский. – Почему ко мне? Ты же в курсе, какой у меня плотный график?

Чувствуя, что совершила очередной промах, и стараясь отвести от себя грозовую тучу недовольства, девушка поспешила оправдаться:

– Голицына обратилась от имени вашего давнего и очень хорошего друга. К сожалению, фамилии его она не назвала, но сказала, что дело сугубо конфиденциальное.

Грановский задумался.

– Друга, говоришь? Ну ладно, посмотрим. – Он нетерпеливо взмахнул рукой. – Пусть зайдет!

Секретарша пулей вылетела из кабинета, возблагодарив в душе бога, что на сей раз общение с хозяином прошло более или менее гладко.

«Друг!!» – хмыкнул про себя Грановский. У него не было друзей, в надобности коих он сильно сомневался. Дружить с ним хотели многие, но людской материал Семен Иосифович тщательно фильтровал, позволяя себе тратить свое драгоценное время только на нужных людей. «Надо же, у меня объявились друзья. Забавно... Ладно, выслушаю эту Голицыну и сплавлю к одному из своих партнеров». Грановский поправил волосы перед зеркалом и расположился в своем кресле в непринужденной позе.

...Массивная дубовая дверь отворилась, пропуская вперед молодую женщину. Адвокат почти осязаемо уловил дуновение свежего весеннего ветра, наполненного ароматом дорогих духов, ворвавшегося вслед за энергичной незнакомкой. Женщина стремительно миновала «презентационную», чем в немалой степени обидела Грановского, стремительно уселась в кресло, немного смягчив хозяина, который не мог не оценить стройной линии ее ног, и так же стремительно назвала себя.

– Зовите меня просто Ольга! – разрешила она и, не дав обалдевшему от такого натиска Грановскому возможности хоть как-нибудь среагировать, перешла к сути дела: – Итак, Семен Иосифович, мы нуждаемся в ваших услугах и надеемся, что вы нам не откажете.

«Да она нахалка!» – решил про себя Грановский. Вращаясь долгие годы в криминальных кругах крупного города, он не позволял своим клиентам распускать пальцы веером в его присутствии, диктовать свои условия, пусть под самые бешеные гонорары. Душевный комфорт и уважение окружающих Семен Иосифович ценил превыше всего. И сейчас, взяв короткую передышку, чтобы прийти в себя, Грановский соображал, как поэффектнее осадить напористую посетительницу.

Ольга достала из изящной сумочки тонкую сигарету и, зажав ее в длинных нервных пальцах, видимо, дождалась, пока хозяин роскошного кабинета даст ей прикурить. Пренебрегая хорошими манерами, Грановский с преувеличенным усердием изучал фигурку миниатюрного бронзового слона, стоящего на столике, и делал вид, что не замечает жеста привлекательной женщины. Немало не смутившись затянувшейся паузой, Ольга вынула из сумочки зажигалку, закурила, пустив перед собой сизоватое колечко дыма.

– Вам привет от Александра Суворова, – наконец произнесла она. – Он считает вас другом и просит о помощи.

Семен Иосифович заворуженно следил, как изящным движением руки Ольга стряхнула пепел. Он чувствовал, как легкий холодок пробежал по телу, лишая его спокойной расслабленности. С Суворовым Грановский столкнулся лишь раз, хотя об успехах молодого предпринимателя был наслышан – средства массовой информации трубили о нем как о человеке новой формации и большом меценате. Когда Суворов был арестован, началась газетная шумиха о борьбе с проникновением во властные структуры преступных элементов.

В то время Грановский был вызван в следственный изолятор по просьбе задержанного ОБЭПом директора элеватора Квасникова. Обвинение было связано с хищением крупной партии зерна на элеваторе. Имя Квасникова ни о чем не говорило Грановскому, и он собирался уже отправить следователя, передавшего просьбу задержанного, к своим партнерам, как тот, чтобы поразить воображение Грановского, отметил одну яркую деталь – при обыске в котте-

дже Квасникова было обнаружено около 300 000 долларов, которые тот прятал, не мудрствуя лукаво, в запечатанных трехлитровых банках в подвале.

Это и решило сомнения Грановского. Работать с Квасниковым было легко. Он с полуслова улавливал все, что внушал ему адвокат, и дело медленно, но верно двигалось к полному развалу. Грановский почти не удивился, когда его вызвали в здание УВД для ознакомления с постановлением о прекращении дела. Миссия была приятна вдвойне – одновременно с ознакомлением выпускали из-под ареста Квасникова и возвращали изъятую у него валюту. Подписав необходимые документы, Квасников отправился в ФИНО УВД за конфискованными ценностями, предварительно договорившись с Грановским о встрече в офисе. Но не успел адвокат отойти от здания УВД, как его нагнал бледный и чрезвычайно напуганный Квасников.

«Ограбили прямо у милиции...» – первое, что пришло в голову Грановскому. Разглядывая потрепанного клиента, адвокат собирался было спросить его о том, что произошло, но не успел. Следом за Квасниковым подошел крепко сложенный и хорошо одетый молодой человек с туго набитым валютой целлофановым пакетом. Не стесняясь постороннего, он вывернул содержимое пакета на капот подъехавшего джипа и стал пересчитывать доллары. Подсчеты, видимо, его удовлетворили, и он похлопал Квасникова по плечу:

– Молодец! Еще пару вагонов зерна, и мы в расчете.

Квасников не выражал никаких эмоций. Было видно, что испуг еще не прошел. Грановский решил взять инициативу на себя:

– Молодой человек, я адвокат и не позволю вам грабить...

Грановский не успел закончить подготовленную тираду, как осекся, почувствовав стальной взгляд незнакомца. Тот молча вытащил из пакета пачку долларов, засунул их за пазуху опешившего Грановского.

– Ваш гонорар, – насмешливо сказал незнакомец. – Мы будем с вами дружить, а вашего клиента мы доставим до самого порога.

Джип жирно хрюкнул и рванул, оставив растерянного адвоката около большой грязной лужи.

Направляясь в офис, Грановский не испытывал уже того радостного чувства, которое всякий раз возникало у него после освобождения из-под стражи очередного клиента. Семен Иосифович любил, когда его обретший свободу клиент подолгу благодарил его, смаковал отдельные детали адвокатского труда, а через пару дней появлялся с букетом цветов и подарочной коробкой. От Квасникова он ожидал того же. А теперь Грановский чувствовал себя как обиженный ребенок, у которого отобрали любимую игрушку.

Только уединившись в своем кабинете и насладившись созерцанием любимого черного кота, чью каменную, почти доисторическую головку контрабандой вывезли из Испании – так по крайней мере утверждал даритель, – Грановский успокоился. А выпив рюмочку любимого молочного ликера, он уже благодушно поглядывал на пухлую пачку «зеленых». Гонорар соответствовал его представлениям о благодарном клиенте. Но что-то мешало ему переключиться на другие срочные дела. Семен Иосифович набрал номер Квасникова. Тот был дома и сразу пресек любые вопросы Грановского:

– Все нормально. Я был должен. Претензий к ребятам нет.

Он не был настроен дальше развивать эту тему. «Ну и черт с тобой», – подумал Грановский и уже напоследок полюбопытствовал, как фамилия молодого человека.

– Суворов, – односложно ответил Квасников и положил трубку.

Ольга продолжала что-то говорить, но Грановский слушал вполуха. Перед ним стояла дилемма – соглашаться на защиту или нет. С одной стороны, участие по уголовному делу, в котором основным фигурантом выступает крупный бизнесмен с хорошими связями, прибавит известности его фирме не только на Урале, но и в Москве. В то же время заказной характер дела

очевиден – не каждый день министр внутренних дел трубит о раскрытии преступной банды, возглавляемой известным депутатом. Досушие корреспонденты, комментируя речь министра, рассуждали о коррупционных связях Суворова с руководителями области, а также и с некоторыми небезызвестными чиновниками в Москве. Это предполагало разоблачения, компромат и грязь, от которых Грановский старался держаться подальше. Но не только это занимало мысли адвоката. Грановский хорошо запомнил жесткую руку у себя на плече и властный взгляд человека, привыкшего повелевать. Ведение столь сложного дела предполагало ежедневное общение с ним. Это было не по душе Грановскому.

Занятый своими мыслями, Семен Иосифович не заметил, что в кабинете висит долгая пауза. Ольга, высказав все, напряженно ожидала ответа. Молчание затягивалось. Грановский все еще взвешивал все «за» и «против». Интуиция, редко подводившая его, подсказывала, что влезать в это дело не следует.

Первой не выдержала молчания Ольга:

– Взгляните сюда. Возможно, это поможет вам решиться.

Она достала из сумочки фотографию и, немного замявшись, протянула ее Грановскому. Тот недоуменно стал рассматривать снимок. А смотреть было на что. На переднем плане, прислонившись спиной к пальме, стояла обнаженная Ольга. Легкий газовый шарфик, которым, возможно, собиралась прикрыться девушка, в последний момент был отнесен ветром в сторону и гордо реял где-то над ее головой. Будучи человеком, сведущим в вопросах женской красоты, Грановский залюбовался крутым изгибом бедер, изящной талией девушки и почти физически ощутил упругую тяжесть ее груди.

– Вам нравится?

Грановский почти забыл, что Ольга ожидает ответа. Он с сожалением оторвал взгляд от загорелого женского тела.

– Что это? – спросил он.

– Ваше вознаграждение.

– Вы предлагаете себя? – В долгой жизни Грановский не раз грешил с женами своих клиентов, но это происходило спонтанно, по взаимной симпатии и не имело ничего общего с тем, что так откровенно и цинично предложила Ольга.

Сигарета застыла у Ольги в руках. Затем, спохватившись, она покачала головой:

– Простите, другой фотографии не нашлось. Разве вам не понравилась вилла?

Грановский взял фото в руки и только теперь заметил, что за спиной обнаженной натуры и террасой цветочных клумб нависает под лазурным небом фасад небольшого дворца. В уголке фотографии шла витиеватая надпись «Коста Даурада». Грановский как-то отдыхал на этом испанском курорте, и не раз его взгляд с завистью заглядывал за плотные шторы роскошных вилл.

Ольга деловито вела речь о технической стороне вопроса:

– В случае благоприятного исхода – этот дом ваш. В течение недели будут оформлены необходимые документы. Они хранятся в ячейке банка и будут выданы вам автоматически после освобождения Суворова. Вам необходимо будет представить в банк лишь решение суда об этом. Гонорар же, разумеется, будет внесен вне зависимости от результата.

Грановский задумался. Условия были царские. Такой дворец тянет на очень приличную сумму в «зелени», но нужно обещать и не только обещать, но и добиваться если не оправдания, то освобождения Суворова. Задача невыполнимая. Не стоит и думать об этом.

– Давайте обсудим детали. Я согласен, – наконец заявил он.

Тишина, мягкой пеленой окутывая все вокруг, заботливо баюкала оцепеневший от горя рассудок. Телефонные звонки больше не будоражили покоя заснувшей в болезненном сне

квартиры. Казалось, что даже старинные ходики замедлили свой ход, чтобы не спугнуть своим тиканьем большую черную птицу горя, нашедшую здесь свое пристанище.

Вереница унылых дней пронеслась мимо Елизаветы будто бы во сне. Как в калейдоскопе мелькали перед ней лица знакомых, траурные ленты венков, цветы. Словно в кадре возникло вдруг застывшее, чужое в своей неподвижности лицо отца. До слуха долетали чьи-то участливые слова, соболезнования, обрывки никому не нужных речей. Обморок матери на кладбище, затем звенящая пустота квартиры...

Перебирая старые фотографии, Лиза пыталась осознать происшедшее. Но ничего не получалось.

Вот Лизе пять лет. Она упала и громко ревет. Рядом отец пытается утешить, обнимает ее. «До свадьбы заживет» – подпись внизу. Да, но только Лизиной свадьбы ему не увидеть.

Вот Лиза постарше. Отец учит ее кататься на новеньком двухколесном велосипеде. У Лизы ничего не получается. Отец весело смеется.

А вот первое сентября и первый класс. И опять отец рядом, гордо держит за руку взволнованную школьницу с большим букетом гладиолусов. «У тебя вся жизнь впереди, лисенок», – говорил ей отец.

Да, но только не для него. Нет, больше уже не будет рядом надежных рук отца, его твердого голоса, скупой улыбки. Будет лишь черта того рокового дня, за которой началась другая жизнь другой молодой женщины.

Макс Лисицын был в затруднительном положении. Чертовски неудачно все вышло. Кто бы мог подумать! Такой крепкий, с неисчерпаемым запасом жизненной энергии мужчина. И вот – инфаркт! Лизу жалко, конечно, да и мать ее совсем рассудок потеряла. Но Макс, конечно, сделал все, что мог. Цветы принес, утешающие слова сказал, на кладбище рядом с Лизой постоял... Да, тяжело им придется. Мать не работает, да еще малолетний балбес на шее. Лизка сама яичницу приготовить не сумеет, привыкла на няньку надеяться. За широкой спиной Дубровского им жилось ох как неплохо, что за каменной стеной. Чего скрывать, и он, Максим Лисицын, строил кое-какие планы, питал определенные надежды. И вот получите!

Макс, будучи натурой чувствительной, конечно же, догадывался о тайной нелюбви будущего родственника к своей персоне. Но в общении с Дубровским был всегда вежлив, предупредителен, старался не поддаваться соблазну и не отвечать на некоторые едкие замечания Лизиного отца, которые тот изредка отпускал в его адрес. Завоевав доверие Лизы и ее матери, Лисицын надеялся на то, что в скором времени отношение Дубровского к нему изменится. И вот тогда можно будет надеяться на карьерный рост, безбедную жизнь и прочие соблазны. Покровитель такого уровня мог бы дать Максиму многое, но не дал ничего. А ведь он этого так хотел!

Когда свинцовая тяжесть прошедшей недели стала чуть более привычной, вернулась способность мыслить, появился и вполне практический вопрос: как и на что дальше жить? В доме были некоторые сбережения, и первое время они могли бы существовать без особых хлопот, но это не снимало остроты вопроса. Лизу успокаивала мысль, что скоро она начнет зарабатывать деньги и Семен Иосифович Грановский ей поможет на первых порах.

У Лизы сжалось сердце, когда она вновь перешагнула порог роскошного адвокатского офиса. Казалось, прошла вечность, когда она была здесь в последний раз с отцом. Той беззаботной девчонки, чуть не прыгающей на одной ноге от счастья, больше нет. Есть взрослая женщина с усталым лицом и черными, как горе, глазами. Взяв себя в руки, Лиза улыбнулась секретарше:

– Здравствуй, Марина. Вот и я. Надеюсь, Семен Иосифович на месте?

Мариночка захлопотала:

– Елизавета Германовна, у вас такое горе. Присаживайтесь, не стойте. Поверьте, я вам искренне сочувствую.

– Спасибо, Марина. Будь добра, скажи Семену Иосифовичу, что я здесь. Мне нужно знать мое рабочее место. Хочу побыстрее начать. Возможно, это отвлечет меня от печальных мыслей.

Марина как-то странно взглянула на Елизавету, но послушно отправилась в кабинет к Грановскому.

Уже через минуту Елизавета была в знакомом кабинете. Грановский шагнул ей навстречу, отечески обнял.

– Прими мои соболезнования, Лизонька. Твой отец был замечательным человеком. – Он потер переносицу. – Да... Вот какая штука – жизнь. Да ты садись, выпей кофейку. Может, чего покрепче?

Прихлебывая горячий кофе, Лиза беседовала с Грановским и чувствовала себя уже значительно лучше, когда тот, чуть помявшись, произнес:

– Извини, дорогая. Но с твоим началом работы у нас придется повременить. – Тут он сделал паузу. – Видишь ли, мои партнеры не одобряют твоего приема в «Законность». Понимаешь, у нас безупречная репутация. Все наши адвокаты имеют большой опыт ведения дел. У тебя же его пока нет. Возможно, когда-нибудь мы еще раз обсудим этот вопрос. Но пока... Увы... – Он развел руками. – Прости, я сделал все, что мог.

Лизина рука с чашкой дымящегося кофе так и застыла в воздухе.

Грановский, не замечая реакции девушки, продолжал:

– Но тебе, милая, волноваться не стоит. Тебя ждет другое место. И поверь мне, это потрясающий вариант. Многие известные адвокаты нашего города начинали именно там. Так что успехов тебе, дорогая!

«Потрясающим вариантом» оказалась довольно крупная юридическая консультация, расположенная в полуподвальном помещении шестнадцатиэтажного дома. Притулившись на задворках роскошного магазина, адвокатская контора имела малопочтенных соседей в виде пункта приема стеклопосуды, обшарпанной трансформаторной будки и небольшой автомобильной стоянки. Впрочем, и само помещение под гордой вывеской «Адвокатура» вид имело малопривлекательный. Окрашенные в казенный зеленый цвет стены вопреки наблюдениям психологов отнюдь не способствовали подъему жизненного тонаса редких посетителей. Видавшая виды мебель, насчитывающая несколько письменных столов и стульев, книжных шкафов, покосившихся под тяжким бременем лет, придавала юридической консультации вид убогий и необжитой. Единственным украшением был настенный календарь с видом полуобнаженной красотики на мотоцикле, нахально взирающей глянцевыми глазами на тяготы жизни современных защитников. Случайному вору, прельстившемуся многообещающей вывеской юридической фирмы, пришлось бы долго чесать затылок, соображая, на что здесь можно положить глаз. Допотопные пишущие машинки, стопы пыльной юридической литературы и отвратительный запах плесени, отпугивающий солидных клиентов, желающих получить гарантированную помощь.

Однако видимое убожество обстановки было только следствием униженного положения этой юридической конторы в иерархии других, более удачливых собратьев. Грановский не лгал Елизавете в той части, что это место по-своему уникально для старта юридической карьеры. Недаром, чуть оперившись, набравшись первоначального опыта, наиболее шустрые адвокаты, используя любую возможность, стремились во что бы то ни стало покинуть гостеприимные стены. Открывая шикарные офисы, обрстая солидной клиентурой, они могли

в ностальгическом порыве вспомнить, откуда они вышли, не желая, впрочем, собственным детям повторения столь тернистого пути. Причина такой непопулярности самой крупной юридической консультации города крылась в тех причинах, благодаря которым она и появилась на свет. Это была обитель защитников, которых народ любовно окрестил «бесплатными» или даже «государственными» адвокатами, не догадываясь, конечно, о том, насколько эти понятия близки к истине. Осуществляя защиту по наиболее сложным делам, рассматриваемым в областном суде, адвокаты месяцами были лишены всякой возможности подработать в платных процессах. Вместе с тем их клиентами были самые отпетые бандиты и убийцы с внушительным перечнем заслуг и расстрельными статьями. Как в шутку говорили сами адвокаты: «Кто же за него заплатит? Он сирота. Нет у него ни мамы, ни папы, ни невесты – всех убил!»

Вот в такой юридической консультации Елизавете Германовне Дубровской всемогущей волею судьбы и было велено начать свою юридическую карьеру.

Запнувшись о краешек вспучившегося от влаги линолеума, Елизавета вылетела чуть ли не на середину просторной комнаты, чудом не потеряв равновесия. Оказавшись в центре всеобщего внимания, она смутилась.

– Добро пожаловать! – пришел ей на помощь молодой человек с весело топорщившимися усиками. Ослепительно улыбаясь, он указал на стул: – Вы на консультацию? Рад буду помочь.

– Благодарю вас, – оправившись от волнения, промолвила Лиза. – Я ваш новый адвокат.

Выражение лиц присутствующих как по мановению волшебной палочки разом изменилось. Нимало не смущаясь присутствием новенькой, все враз стали обмениваться репликами, обсуждая кадровую политику президиума адвокатской коллегии.

– Нет, ну вы поглядите, – кипятился маленький мужчина с артистической внешностью. – И так сидим без работы, а нам все молодых подкидывают. Куда только заведующий смотрит?

– Просим, просим, чтобы нам побольше мужчин присылали, так ведь никто и внимания не обращает, – промолвила томного вида девица, постукивая длинным наманикюренным ногтем по полированной видавшей виды столешнице.

– Бедняжка, и чего ее сюда занесло? Еще не представляет, что ее ожидает, – участливо вздохнула пожилая женщина, откровенно рассматривая новенькую с головы до пят.

Наконец, исчерпав запас красноречия, адвокаты уставились в свои бумаги. Опешив от столь недвусмысленного приема, Лиза растерянно молчала. Молодой человек с усиками махнул рукой в конец коридора:

– Если вам нужен заведующий, то он в дальней комнате направо, – и вновь углубился в разгадывание кроссворда.

Заведующего Центральной юридической консультацией Петра Петровича Пружинина мучила сезонная простуда. Поминутно вытирая платочком слезящиеся глаза, кашляя и время от времени оглушительно чихая, он тем не менее не терял присутствия духа. Обладая ярко выраженным темпераментом холерика, он не терпел безделья, долгих размышлений и медлительных коллег. Несмотря на то что он не так давно одолел пятидесятипятiletний рубеж, Петр Петрович не был обременен присущей его возрасту солидностью. Движения его были столь резки и порывисты, что подчиненные за глаза именовали его не иначе как «пружиной». Беззлобный по природе, веселый и компанейский, он без труда управлялся с наиболее строптивыми адвокатами. Предпочитая не выносить сора из избы, Петр Петрович брал на себя нудные разборательства с представителями правоохранительных органов, спешащих информировать заведующего о некоторых недостойных поступках его подопечных, многочисленные кляузы недовольных клиентов и даже разборки внутри коллектива. Вот и сегодня утром ему пришлось выслушать целый поток угроз, слез и негодования со стороны разгневанной особы женского пола. Воздев к потолку унизанные дешевыми браслетами пухлые руки и как бы призывая все-

вышнего в свидетели своему горю, она кричала о подлой ловушке, в которую угодила ее единственная дочь. Очарованная внешним лоском молодого адвоката, известного в консультации повесы и неисправимого бабника, девушка коротала с ним долгие вечера в помещении юридической конторы. Осыпав неискнутое создание уверениями в вечной любви и преданности, подлый ловелас предлагал руку и сердце, придумывал имена будущим детям, а затем внезапно исчез. Громко сокрушаясь по поводу потерянной в этих стенах девичьей чести, мамаша пыталась призвать Пружинина к ответу и посодействовать счастью молодых. Прочувствовав ситуацию, Петр Петрович утешил чем мог, заявив о наличии у растлителя юных душ законной жены, двух ребятишек и внушительного списка любовных приключений. Извергая поток брани в адрес молодого негодяя и его непутевого начальника, крикливая посетительница удалилась, пообещав напоследок поджечь «этот публичный дом».

Утреннее происшествие добавило мигрени и без того больной голове Пружинина. Поглаживая редкую растительность на острой, как пасхальное яйцо, голове, он обдумывал стратегию воспитательной беседы с виновником драмы, но стройный ход его размышлений был прерван появлением Елизаветы Дубровской.

Предложив ей присесть, заведующий кратко ввел Лизу в курс дела:

– Значит, так... Работы у нас много, особенно для новичков. Забудьте, что такое отдых. Первый год, как, впрочем, и последующий, для вас будет непрерывной трудовой вахтой. Сами понимаете... – Тут он сделал паузу и, втянув носом воздух, громко чихнул. Вытерев платком воспаленные глаза, Пружинин продолжил: – Право на отдых нужно еще заслужить. Года через два вы получите передышку и сможете принимать собственных клиентов. Сейчас же крутитесь как хотите, но от работы в областном суде не отлынивайте. Ступайте на рабочее место, вживайтесь в коллектив, привыкайте. Желаю удачи! – На этой оптимистичной ноте он закончил инструктаж молодого специалиста.

Сидя за рабочим столом, Елизавета безучастно смотрела на серую пелену осеннего дождя, унылыми струями стекающего по оконному стеклу. Новая жизнь началась.

Александр Суворов не находил себе места. Долгие тюремные ночи, наполненные воспоминаниями и совсем короткими обрывками снов, не давали отдыха деятельному рассудку. Его не мучили угрызения совести. Ему не давало покоя совсем иное. Как же так получилось, что он – любимчик фортуны – на пути к вершинам славы и признания потерял тех, в поддержке которых он сейчас так остро нуждался? Нет, он не был одинок. Даже наоборот, сейчас его окружала масса людей, которые подчинялись его воле. Но подчинялись не из-за любви к нему, а из страха.

«Я многого добился. Но, черт возьми, одному на вершине так одиноко. Ведь когда-то меня звали просто Сашкой. Вот если бы время текло вспять...»

...Все самые ранние воспоминания Александра были так или иначе связаны с матерью. Помнится, в возрасте трех лет он перенес осложненный грипп. Унылая вереница однообразных серых будней не спешила приносить выздоровление. Открывая тяжелые веки, он всегда рядом видел мать. Просиживая ночи напролет около детской кровати, она изредка проваливалась в свинцовую, без сновидений дрему. Еще тогда, в далеком розовом детстве, он раз и навсегда прирос к ней крепкими сыновними узами, разорвать которые не смогла бы даже смерть.

Вторым после матери дорогим Александру существом был брат Андрей. Родившись на три года позднее, Андрей забрал, казалось бы, большую часть материнской любви. Удивительно, но Александр ничуть не страдал по этому поводу. Мать и брата он воспринимал как единое целое, самое дорогое, что у него может быть в его жизни. Наделенный от природы импульсивным характером, возможно, даже некоторой психопатичностью, Александр в общении с матерью был податливее воска. Брата он всячески оберегал, опекал, но подавлял силой

энергичного характера. Андрей же рос покладистым ребенком. Старшего брата он боготворил, во всем слушался, даже пытался ему подражать.

Семейную идиллию несколько нарушало присутствие чужеродного элемента – отца. Являясь полной противоположностью энергичной, полной жизни матери, он не занимал сколько-нибудь значительного места в сердцах сыновей. Он тихо жил и незаметно умер. Ненужная отцовская жизнь так и улетела в никуда, не оставив на земле и следа своего присутствия, кроме, пожалуй, двух сыновей и вороха старого тряпья, розданного немногочисленным родственникам. Вот тогда и вывел Александр для себя важный жизненный принцип: живи так, чтобы каждая зараза помнила тебя, чтоб после твоей смерти икнулось многим. Стремись к большему, получай лучшее, и весь мир раскинется под твоими ногами.

Уже в сопливом мальчишеском возрасте Саша верил в свою исключительность. Этому немало способствовали фамилия и имя замечательного русского полководца, массу рассказов о котором Александр слышал еще маленьким. Он ничуть не сомневался, что сумеет обойти своего знаменитого тезку на пути к вершинам исторического олимпа. Мать всячески поддерживала идею об исключительности сына. Искусно воздействуя на его самолюбие, она формировала в нем черты характера лидера: напористость, даже агрессивность в достижении поставленной цели, стремление быть во всем первым.

Общительный по натуре, он приобрел немало друзей среди одноклассников. Однако на дух не перенося соперничества, Александр держал около себя лишь тех, кто покорно воспринимал его превосходство. Самым близким из школьных товарищей, пожалуй, был Олег Марьин. Физически крепкий, с неплохими способностями, Олег почему-то воспринял первенство Александра как явление совершенно нормальное и неоспоримое. Спокойный и рассудительный Олег, подобно ушату ледяной воды, воздействовал на горячего, быстрого в словах и решениях Суворова. Александр прислушивался к некоторым разумным доводам своего товарища, что не мешало позднее ему выдавать чужие мысли за свои.

Вольготное школьное существование Александра несколько отравлял парень из параллельного класса по фамилии Зверев. Здоровый как бык и почти такой же ограниченный, верзила Иван являлся грозой всей школы. Его маленькие, с отсутствующим выражением глазки были направлены, казалось, куда-то внутрь. Если верить теории о том, что все люди жили когда-то в образе животных, то Зверев определенно был кабаном. Усиливало сходство с этим благородным животным тупое выражение лица с почти полным отсутствием ресниц и бровей. Привлекали внимание и необыкновенно красные крупные руки, которыми он мог запросто открутить голову любому из зарвавшихся пацанов.

Небольшая вертлявая фигура пятиклассника Суворова чем-то не глянулась рыжему верзиле, и он не упускал случая хоть как-то отвести душу: поддать ногой по портфелю самоуверенного пацана, отвесить затрещину. Излишне говорить, насколько подобное положение вещей не устраивало Александра. Паритет в их отношениях наметился только после весьма примечательного случая, подробности которого так и остались до конца не выясненными. Говорили только, что Александр чуть не убил Зверя обыкновенным гвоздем. Как худенькому Суворову удался подобный фортель, так и осталось загадкой. Но факт остается фактом. Одноклассники видели поверженного Ивана, в глазах которого, пожалуй, впервые в жизни плескался самый настоящий страх, а также Сашку, который производил впечатление полубезумного. После этого Суворов и Зверев существовали как бы в параллельных мирах, стараясь не пересекаться. Это положение вещей устраивало обоих.

В глубине давних воспоминаний Александра остался и тот памятный зимний вечер, когда они с Марьиным Олегом возвращались домой после дискотеки. Мало того, что в холле заводского клуба «Металлист» они нос к носу столкнулись со Зверевым и его приятелем Лесиным, настроение было испорчено совершенно неожиданным для Суворова способом. Лариса, высокая тонконогая девица Суворова, устроила ему безобразную сцену. Используя какой-то пустяч-

ный повод для ревности, она словно с цепи сорвалась. Сашка бросился было ее утешать, но вскоре плюнул на это занятие, заметив ироничные взгляды Зверева и Лесина. Настроение было безвозвратно испорчено, и они с Марьиным побрели к выходу. На крыльце весело гомонила стайка девчонок. Вдруг раздался чей-то истошный крик: «Закаменские идут!», девицы завизжали и бросились в глубь помещения.

На залитой фонарным светом дорожке появилась группка ребят в черных фуфайках и цветных петушках. Увидев двух парней, идущих навстречу, закаменские остановились. Суворов с Марьиным, оглядевшись по сторонам, убедились, что помощи ждать неоткуда. Завязался обычный в таких ситуациях разговор, когда одна из сторон упорно нарывается на конфликт. И вот наконец долгожданный повод получен, стая облегченно вздыхает, в чьей-то руке поблескивает кастет. Вероятно, окончание этого невеселого для Александра вечера было бы еще более печальным, если бы не вмешательство неких светлых сил. Эти небесные посланцы явились в лице мордоворота Зверева и его товарища Лесина. И вот уже фортуна своим неземным ликом решила повернуться к Александру и его новоиспеченным приятелям лицом, а к закаменским – соответственно задом. Толстый кусок арматуры в руках Суворова как последний аргумент возвратил нападавшим чувство реальности. Женский окрик: «Милиция!» добавляет прыти, и через минуту участники побоища старательно делают ноги.

Уже потом, отирая снегом запачканные лица, они весело хохочут, беззлобно поддевая друг друга. Лесин чуть морщится от боли, пережимая перчаткой окровавленную кисть правой руки. Суворов предлагает ему платок для перевязки. Но ни рассеченная шальным ножом рука Игоря, ни заплывающий багровым отеком глаз Марьиного, ни разодранная в клочья верхняя одежда их приятелей не в состоянии омрачить торжество победы.

Именно этим зимним вечером было положено начало крепких дружеских отношений, красная нить которых, словно иголка в руках опытного портного, соберет воедино все последующие годы. Но какими бы причудливыми тропами ни вело провидение четверку друзей, небольшая багровая полоска шрама на правой руке Лесина всегда напоминала им о той далекой декабрьской ночи.

Так все начиналось...

А потом Суворов взлетел вверх на гребне водочного бизнеса. Демонополизация водочного рынка в начале 90-х способствовала тому, что государственные и частные производители, тонущие в море созданного ими горячительного зелья, остро нуждались в реализации своей продукции. С этим успешно справлялась команда Суворова, толкая водку с машин и через коммерческие киоски. Параллельно они занимались еще и закупкой зерна по области с последующей сдачей его на спиртзаводы. Бизнес был прибыльным и позволял безбедно существовать в далеко не благоприятную для России пору. Число лиц, занимающихся совместно с Александром общим делом, неуклонно росло. Окружение Суворова включало бывших одноклассников, друзей-спортсменов, приятелей младшего брата. Ядром команды по-прежнему был Александр.

Росла прибыль, росли и аппетиты Суворова. Постепенно формировалась стратегическая цель: захватить и монополизировать рынок алкогольной продукции в масштабах города. Это было бы просто, если бы не две солидные фигуры полукриминальных предпринимателей. После убийства одного из них, небезызвестного Степанченко, мир в городе воцарился на удивление быстро. Бывший борец Василевский, зрелый и далеко не глупый мужчина, предпочел перейти с белым флагом в лагерь неприятеля, чем стынуть в мерзлой земле городского кладбища. За Суворовым потянулся легкий шлейф подозрений. Но прямых, как, впрочем, и косвенных, улик его причастности к громкому убийству не было никаких.

Дальше – больше... Суворову было нетрудно, используя свое природное обаяние и некоторые связи, какие к этому времени у него уже имелись среди чиновников области, проникнуть на крупнейший комбинат «Сокол», объединяющий несколько ликероводочных и спирто-

вых заводов. Войдя в доверие к директору комбината Громову, честному, но недалёковидному человеку старой закалки, Суворов начал с лёгкостью делать большие деньги. Целая сеть созданных им фирм-реализаторов словно раковая опухоль пустила щупальца по всему предприятию. Полученную от реализованной продукции выручку Суворов не спешил отдавать в счёт погашения долга перед комбинатом, а начал вкладывать ее в московские банки. В качестве новых направлений деятельности у Суворова появился туристический бизнес. За рубежом, по большей части в Испании, была приобретена недвижимость, состоящая из нескольких вилл, куда Александр возил отдыхать полезных людей: политиков, бизнесменов, журналистов. Там проводили лето жены и любовницы близких Суворову людей. Квартиры и коттеджи «суворовцы» имели как на Урале, так и в Москве и Подмосковье.

Вместе с ростом благосостояния у Александра все больше стали проявляться признаки нетерпимости к чужому мнению, высокомерия и деспотизма. Никто, даже самые близкие друзья, не имел права называть его иначе как по имени-отчеству. Впрочем, Зверев, Марьин и Лесин не думали роптать. Они неплохо зарабатывали для того, чтобы содержать жен и многочисленных подружек, имели шикарные машины и возможность путешествовать по всему свету. Более того, Александр позаботился о том, чтобы каждый из них получил свое особое направление деятельности, имел подчиненных и возможность чувствовать себя незаменимым человеком. Марьин ведал экономическим блоком и имел в подчинении людей, курирующих дела на комбинате, туристический бизнес, взаимоотношения с банками и всю иную материальную базу «суворовцев». Лесин отвечал за общую кассу и все прочие отношения внутри организации. Зверев также получил особый статус. По указанию Суворова он подобрал группу физически крепких молодых людей, по большей части бывших спортсменов. Они часто именовались Александром «силовиками» и помогали решать задачи, требующие вмешательства грубой физической силы. Зверев прекрасно справлялся со своими обязанностями. С дисциплиной в его группе проблем не было. Изредка Суворов подшучивал над приверженностью своего товарища к фашистской идеологии. Зверев сделал себе татуировку на груди в виде улыбающегося человеческого черепа, а на плече – нацистскую свастику. Некоторые из подчиненных Звереву людей сделали аналогичные наколки. В довершение всего группа «силовиков» обрила головы «под ноль». Суворов сквозь пальцы смотрел на нацистские заскоки своего товарища, любовно именуя подчиненных Звереву лиц «фашиками».

Жить бы да радоваться... Конечно, путь Суворова не был усыпан пахучими розами, и, подходя к зеркалу, он, как и литературный герой Дориан Грей, боялся заметить на своем лице верные приметы хищника: звериный оскал, дикие безжалостные глаза и кровь... Кровь стелилась за ним алой дорожкой. Убийства, физические расправы над строптивыми, угрозы – это было далеко не полный арсенал средств, активно используемых Александром. Почему люди не могут быть сговорчивыми? Но отражение в зеркале оставалось прежним. Он был все так же обаятелен, любим женщинами и невероятно удачлив...

Суворов стал не только процветающим бизнесменом, но и меценатом, известным общественным деятелем. Детские сады и школы-интернаты получали от него крупные денежные суммы и всевозможные подарки. Матери и вдовы солдат, погибших в военных конфликтах, – материальную помощь и необходимую моральную поддержку. Молодые инвалиды, потерявшие свое здоровье на просторах Чечни либо в Афганистане, – дорогостоящие медикаменты и инвалидные коляски. Щедрая рука дающего дотянулась даже до местного ОМОНа, бойцам которого в торжественной обстановке был вручен объемистый конверт с денежными купюрами. После цепи труднообъяснимых событий, крепко отдающих бандитским духом, Суворов нашел новое применение своим незаурядным способностям организатора, став депутатом областного Законодательного собрания, что обещало оказаться началом его головокружительной политической карьеры. А ведь ему еще не было и тридцати...

Апогеем его славы стало происшествие с захватом здания местной администрации одного из городов, где Суворов считался основным претендентом на победу в выборах на пост главы. Его люди продемонстрировали свою мощь и полную импотенцию правоохранительных органов, которые в непривычной для них ситуации растерялись. Несколько часов здешний «Белый дом» находился в руках объединенных сил Суворова. Людское море у стен здания администрации выражало ему полную поддержку и заряжало энергией.

Александр позаботился о том, чтобы событие обставить с блеском, достойным молодого императора. Из Москвы в этот заснеженный город им были отправлены два самолета с военным духовым оркестром, бойцами частного охранного предприятия «Вымпел» и журналистами из Би-би-си. Американцы, почувствовав слабоуловимые флюиды сенсации, легко согласились на поездку и, к слову сказать, об этом не пожалели. Потрясающий репортаж из далекой России, где идет нешуточная борьба за установление демократии в одном из небольших городов в глубинке, обошел экраны всего мира. Стоит ли говорить, что Александр Суворов был представлен международной общественности как отважный борец за свободу. Российские же средства массовой информации заговорили о проникновении во власть криминальных элементов. Но факт остается фактом. О Суворове узнали все. Сам президент в беседе с министром внутренних дел удостоил столь знаменательное происшествие своим комментарием...

Суворов почти достиг вершины славы и успеха. Его собственная империя, границы которой не были помечены ни на одной карте, существовала в реальности. Он был императором своего государства, круто замешанного на крови и страхе...

И вот теперь, проводя бессонные ночи на тюремных нарах, Суворов ничуть не сомневался, что подобное положение вещей есть не что иное, как временная неприятность.

«Созданная мной система не дает сбоя... Пусть рядом мало искренне любящих меня людей. Я понес столько потерь. Но я верю в правильный выбор. Моя верная ставка – *Ольга*».

Вопреки заверениям Пружинина о прорве дел, с нетерпением ждущих молодого адвоката в областном суде, Лизе была предоставлена возможность на первых порах присмотреться к работе защитника в юридической консультации. Работа эта состояла главным образом из дачи советов приходящим на прием гражданам, составления различного рода деловых бумаг. Посетителей в конторе было мало, да и то большинство из них нуждались в помощи конкретного адвоката. Часами наблюдая за деятельностью коллег, девушка с горечью осознала, что начало ее блестящей адвокатской карьеры тонет в туманной перспективе. Страдая от жестокой депрессии, Елизавета сейчас остро нуждалась в дружественной поддержке. Как не хватало ей сейчас верного Макса, его легкой, чуть снисходительной улыбки, их долгих вечеров и сумасшедших ночей! Она не видела Макса с того промозглого сентябрьского дня, когда хоронили отца. Как бережно он держал ее руку на кладбище, давая понять, что она не одна, что у нее есть друг, даже больше чем друг. Эта поддержка значила для нее так много...

После похорон Лиза несколько дней не выходила из дома. Лежа на огромной кровати, она перебирала в памяти воспоминания, так или иначе связанные с отцом, забывалась коротким свинцовым сном, а затем снова, уставившись в потолок, размышляла. Обращенное внутрь себя существование не позволило Лизе в те дни осознать отсутствие в ее жизни Макса. Но потом, словно оправившись от долгой болезни, девушка поняла, что ей просто необходимы встречи со старым другом. Набрав хорошо знакомый телефонный номер, Лиза уже предвкушала короткую дружескую беседу и последующую за ней встречу. Однако вместо Максима к телефону подошла его мать и колючим голосом сообщила, что сын уехал в командировку и будет не раньше чем через две недели. Ожидая возвращения Макса, Елизавета предавалась горьким размышлениям, задумчиво перебирая изумрудные звенья подаренного им браслета.

Взаимоотношения с коллегами оставляли желать много лучшего. Девушку просто игнорировали. К ней никто не обращался даже с пустяковым вопросом, не приглашал выпить чер-

ного как деготь дешевого чая. Шутки, веселые разговоры, казалось, смолкали, как только Елизавета входила в комнату. Стараясь не выдать своей обиды и не разреветься от досады при всем честном народе, Лиза, воинственно задрав подбородок, проходила на свое рабочее место, раскладывала бумаги и начинала бесцельно рисовать в блокнотике глупые рожицы.

Но вот однажды, в промозглый осенний день кое-что все-таки произошло...

– Придется тебе потрудиться, Елизавета! – громко прокричал Пружинин, тыча указательным пальцем в лист бумаги, испещренный убористым почерком. – Это заявка из прокуратуры области. Требуется адвокат для участия в крупном уголовном деле по назначению. Или, как говорит народ, бесплатно.

– Хорошо. Я согласна, – ответила Лиза и улыбнулась.

Не веря столь легкой победе, начальник нахмурился:

– Ты специалист у нас еще сырой, поэтому слушай внимательно.... Ты ознакомишься с уголовным делом в прокуратуре. Подпишешь что надо. А затем, когда материалы передадут в суд, не обессудь, дорогая, – Пружинин развел руки в стороны, – выступишь там защитником... Процесс рассчитан примерно на год. Поняла? – Он вопросительно уставился на Дубровскую, ожидая здоровой реакции нормального человека, то есть истерики, угроз, проклятий, ругани. Всего этого он выслушал уже вдоволь, пытаясь найти желающего для участия в длительном процессе. Адвокаты понимали, что согласие равносильно голодной смерти, и с завидной изобретательностью ссылались на собственное здоровье, всевозможные недуги родных и близких, мнимые беременности и прочие напасти своей невезучей жизни. По придуманной еще пещерными людьми традиции нелегкую лямку обязанности должны были тянуть новички, молодежь или на худой конец дураки. Елизавета, бесспорно, подпадала под две первые категории. Относительно третьей Пружинин не был уверен и поэтому решил выяснить все до конца.

– Ты брось улыбаться, Елизавета, – строго начал он. – Мы с тобой не в бирюльки играем. – Тут он сделал паузу, пытаясь припомнить смысл последнего сказанного им выражения. Не вспомнив ничего, он досадливо махнул рукой. – Дело Александра Суворова. Слышала небось по телевизору про такого? Так вот, защищать будешь главного... как его... фамилию запомнил. Чудная такая фамилия. – Он начал рыться в бумажках.

– Неужто Суворова? – ахнула Елизавета.

– Нет-нет, – торопливо замахал руками Пружинин. – Там и без тебя желающих хватает. Ага! Вот он. Зверев! – победоносно заявил начальник, выудив из стопки бумаг нужный листок. – Учти, Дубровская, фигура тебе достается во всех отношениях выдающаяся. Одних его статей – половина Уголовного кодекса. Так что ты без фокусов! Не отлынивай от работы. Жалоб я не потерплю!

– Что вы, Петр Петрович! Какие жалобы? Спасибо вам, – выпалила Елизавета, скрываясь за дверь.

– Точно, ненормальная, – вздохнул Пружинин, сокрушенно покачав головой.

Свершилось! Вот оно, первое действительно стоящее уголовное дело. Ради этого она, Елизавета Дубровская, училась пять лет в юридической академии – выслушивала многочасовые лекции, писала конспекты, дрожала на экзаменах. Именно об участии в таких делах она мечтала. Она настоящий адвокат, и в этом скоро все смогут убедиться!

Елизавета давно не чувствовала себя такой окрыленной. Она вела машину легко и непринужденно, ловко прокладывая себе дорогу через тугий полуденный поток. Осознание собственной значимости придало озорной блеск ее глазам; губы непроизвольно складывались в улыбку, а две упругие ямочки на щеках по-прежнему радовали взгляд. Лихо обойдя сонную «десятку», она успела проскочить перекресток на мигающий кошачье-желтый глаз светофора, чем заслужила восхищение усатого дядечки в стареньком «Запорожце». Задрав вверх большой палец, он что-то кричал с кавказским акцентом. Послав мужчине воздушный поцелуй, Елизавета после

пары нехитрых маневров припарковала машину около здания областной прокуратуры. Взлетев по гранитным ступеням вверх, она оказалась в просторном холле. Показав удостоверение в красной корочке внушительному стражу порядка, Дубровская уже через минуту знала, где находится кабинет следователя прокуратуры Котеночкина.

Несмотря на ласковую фамилию, Котеночкин не имел ничего общего с мягким и пушистым комочком. Он был въедлив, чрезвычайно упрям и обладал хваткой молодого голодного бульдога. Коллеги уважали его профессиональные качества, но никогда не приглашали в семьи, на природу или даже просто попить пивка. Пива он не пил, водку терпеть не мог, а поглощал литрами черный чай и блоками – дешевые сигареты. Гардероб он обновлял изредка и только тогда, когда башмаки откровенно начинали просить каши, а неснимаемый вязаный свитер протирался на локтях. На такие мелочи он не обращал внимания. В конце концов какая разница, что на тебе надето? Больше всего его злила необходимость каждый день тратить время на поездку из дома на работу и соответственно с работы домой. Он пытался было ликвидировать ненужную трату времени и оставался ночевать на работе. Но вскоре начальство, в принципе поощрявшее нездоровую тягу Котеночкина к труду, сделало ему строгое внушение. Он вынужден был смириться, его ночевки в помещении прокуратуры стали не столь регулярными, как раньше.

Второе, что доводило трудоголика до белого каления, – это его дурацкая фамилия. Она портила ему жизнь с детства, совершенно не подходя образу сурового сыщика. В душе он мнил себя волком, настоящей грозой преступности, но бумаги подписывал, как прежде, «А.Котеночкин». Кстати, только эта причина вызывала у него желание расписаться со страшненькой соседкой по подъезду, с которой иногда он удовлетворял свое чахлое либидо. Правда, ее фамилия была немногим благозвучнее – Тараканова. Но он скорее был согласен вызывать омерзение, чем сладкий лепет: «У-тю-тю, котеночек». Хотя сослуживцы, отдавая ему должное, величали его строго и уважительно – Кошак.

Впрочем, последнее время у него не было желания жаловаться на судьбу. После того как его ввели в состав объединенной следственной бригады по делу Александра Суворова, жизнь его потекла намного веселее. Начальство закрыло глаза на его круглосуточные бдения на рабочем месте, признав тем самым наличие аврала. Всем же другим, менее самоотверженным работникам Котеночкин был поставлен в пример.

И вот наконец дело было завершено. Однако вместо чувства облегчения Котеночкин испытывал какую-то пронзительную грусть. Печально отдавать с любовью выпестованное детище, каким для него стало это уголовное дело, в руки прохвостов-адвокатов. Он терпеть не мог представителей этой профессии, искренне полагая, что каждый из них является обманщиком, ловким пронырой – другими словами, сорняком на цветущей клумбе всеобщей борьбы с преступностью.

Пусть плох закон, но он есть закон. И теперь с почти нескрываемым чувством презрения он вертел в руках ордер юридической консультации. «Дубровская Елизавета Германовна. Юридическая консультация № 1». А уж не родственница ли это Дубровского, известного чиновника не то городской, не то областной администрации? Кстати, почему нет? Молодая богато одетая дама с мобильным телефоном и ключами от автомобиля в руках (наметанный глаз Котеночкина тут же определил, что от иномарки).

– Ну, и чем обязан, юная леди?

Вот как! Не Елизавета Германовна, не адвокат, а именно – юная леди. В вопрос был влит целый ушат желчи, который Котеночкину просто не терпелось преподнести этой выскочке. «Эта соплюшка, поди, воображает, что сможет развалить дело. Смешно! Интересно, будет ли от нее хоть какая-нибудь польза Звереву?»

Лиза не поняла иронии. Она обаятельно улыбнулась:

– Я хочу ознакомиться с делом Александра Суворова.

Котеночкин как-то странно фыркнул, затем подошел к большому несгораемому шкафу и распахнул дверцы.

– Видите? – многозначительно сказал он.

– Что? – не сразу сообразила Лиза.

– Весь этот шкаф ваш. Здесь хранится дело вашего подзащитного.

Лиза оторопело уставилась на многочисленные тома уголовного дела, аккуратно расставленные по полкам. Котеночкин, насладившись произведенным эффектом, сладко улыбнулся:

– Шестьдесят томов! С какого начнем?

Елизавета смиренно ответила:

– С первого...

Вопреки надеждам более чем два тома в день она осилить не могла. Сказывались неопытность, тяжесть восприятия письменного текста, хаотичность расположения материала в томах уголовного дела. Поначалу она пыталась вести подробные записи в специальной тетради, потом стала ограничиваться лишь короткими заметками. А ведь ей было необходимо ознакомиться еще и с видеоматериалами, прослушать аудиокассеты, просмотреть вещдоки. Голова шла кругом...

Котеночкин, похоже, испытывал садистское удовлетворение, наблюдая за страданиями девчонки. Он не внял ее робким просьбам пересадить ее куда-нибудь в укромное местечко, где она могла бы в тишине и покое читать дело. Надуваясь как индюк, он, демонстрируя важность доверенной ему миссии, неизменно отвечал:

– Нет, уважаемая, я с вас глаз не спущу. А то приходят тут такие, белые да пушистые, а потом листов в деле недосчитаешься! А я, между прочим, держу ответ не только перед Генеральной прокуратурой, но еще и перед ним самим...

Котеночкин, задрав глаза к небу, многозначительно ткнул пальцем вверх.

– Перед богом? – доверчиво спросила Елизавета.

Следователь досадливо поморщился.

– Да нет же! Перед президентом... Знаю я вас, адвокатов. Только оставь вас без призора, сразу же несколько листов из дела умыкнете, а потом виноватых не сыщешь.

– Господи! Да куда я их дену?

– Известно куда. В лифчик засунете, а если половчее, то и сожрать не побрезгуете.

Не искушенной в адвокатских хитростях Елизавете оставалось только хлопать глазами и мириться с хамством. Часами просиживая в прокурорском кабинете, она под вечер выходила из прокуратуры с дикой головной болью. Тем не менее детали предстоящего судебного процесса стали вырисовываться перед ней более определенно.

Фигура ее подзащитного, выплывая из тумана неизвестности, рисовалась ей в образе чудища морского. Могущественный, деспотичный, безжалостный, он не видел перед собой преград, творил что хотел. Особо впечатлила Елизавету история о том, как преступное сообщество, предварительно составив план и распределив роли, зверски надругалось над женой милиционера, беспомощной девушкой с простенькой фамилией Клюшкина. Судя по всему, коварный Зверев принимал непосредственное участие в разработке деталей этого ужасного преступления. В деле фигурировали известные фамилии российских политиков, бешеные деньги, испанские виллы, роскошные лимузины и кровь. Кровь на всем! Елизавета была под впечатлением страшной картины беззакония и произвола, творившегося под покровительством магической фигуры Александра Суворова. Ей стало ясно, что оправдание ее подзащитного – задача трудноразрешимая, а возможно, невыполнимая. Ну что же! Она сделает все, что от нее зависит. Возможно, этот нацистский монстр и не заслуживает пощады, но право

на справедливый суд он имеет. И – самое главное – ей предстоит встретиться лицом к лицу с одним из подсудимых этого сенсационного процесса – Иваном Зверевым.

...Были дни, недели, когда Елизавете хотелось, плюнув на весь белый свет, остаться дома и никого не видеть, закрыть глаза и спать не просыпаясь. Хотя пожаловаться на докучливое внимание к своей персоне она не могла. Похоже, никому не было дела до того, что она, Елизавета Дубровская, вообще существует на белом свете.

Мать после смерти отца сильно сдала. Из беспечной, достаточно молодой и холеной женщины она превращалась в дряхлую старуху. Часами просиживая в одной рубашке перед портретом мужа, Вероника Алексеевна даже не раздвигала штор. Уставившись на горящую свечу, она следила за тем, как капельки воска, оставляя причудливую дорожку, медленно скользят по ровной свечной поверхности, а затем застывают. Солнечный свет и люди причиняли ей, казалось, почти физическую боль. Она не общалась с детьми, не подходила к телефону. Софья Илларионовна, предприняв несколько попыток вернуть ее к жизни, не могла не признаться в тщетности своих усилий. Младший брат Елизаветы Денис был предоставлен самому себе и домой появлялся лишь к вечеру. Даже непоседа-спаниель, забившись в угол прихожей, не тревожил тишины квартиры звонким лаем.

Привыкнув получать от судьбы в последнее время пинки и подзатыльники, Елизавета как-то очень спокойно, даже вяло пережила разрыв с Максом. Это произошло несколько дней назад. Отправившись за покупками в центр города, Лиза заметила знакомый красный «Опель», припаркованный вблизи кафе с веселым названием «Колобок». Конечно же, это Макс! Он вернулся! Девушка буквально ворвалась в кафе. За дальним столиком у окна уютно расположилась пара. Слишком увлеченные беседой, они, казалось, не замечали ничего вокруг. Макс, должно быть, рассказывал что-то забавное, поскольку сидящая рядом с ним девица, лицо которой показалось Елизавете смутно знакомым, просто умирала со смеху. Счастливая улыбка медленно сползла с лица девушки. Она повернулась, чтобы уйти, но потом вдруг передумала. Быстрым шагом Елизавета пересекла зал и остановилась в метре от веселившейся парочки. Девица перестав смеяться, озадаченно уставилась на нее. Макс обернулся.

– А-а, это ты... – протянул он. Казалось, его нисколько не смутила неожиданная встреча. – Посидишь с нами? – Он жестом пригласил Лизу.

Елизавета присела.

– Ты давно вернулся из командировки? – взяв себя в руки, спросила она.

– Из командировки? – искренне удивился он. – Какие у меня могут быть командировки?..

Девица захихикала. Елизавета перевела взгляд на нее. Ну конечно же! Это была та грудастая блондинка, не сводившая глаз с Макса в памятный вечер их помолвки.

– Я тебе несколько раз звонила. Твоя мама сказала, что ты в отъезде.

Лизу начинал злить этот бессмысленный разговор. Макс старательно делал вид, что не понимает, о чем идет речь. Блондинка, потягивая через трубочку коктейль, насмешливо следила за девушкой.

– Мама, должно быть, что-то напутала. – Он наклонился к Лизе. – Давай только без истерик. На нас уже обращают внимание.

Действительно, пара за соседним столиком, перестав шушукаться, с интересом наблюдала за развитием событий. Бармен что-то говорил официанту, показывая в их сторону.

– Макс, – капризным тоном заговорила блондинка, – почему ты мне не представишь свою знакомую?

Елизавета поднялась. Не обращая внимания на окружающих, она громким голосом обратилась к Лисицыну:

– Не утруждай себя. Я сама представлюсь. – Лиза перевела взгляд на блондинку. – Бывшая невеста этого негодяя. А у вас, думаю, еще все впереди... – Она повернулась, чтобы уйти, но вдруг вспомнила о чем-то важном. – Держи, пригодится.

С этими словами девушка сняла с руки изумрудную змейку и швырнула ее на стол. Затем, сделав неловкое движение, она будто бы нечаянно задела бокал Макса, стоящий на краешке стола. Красная влага заструилась на белоснежные брюки бывшего возлюбленного.

Лиза всплеснула руками:

– Сколько раз я тебе говорила: в критические дни пользуйся «Олвейс»! Надеюсь, я не испортила вам вечера. Не надо меня провожать. Счастливо оставаться! – Она кокетливо помачала рукой растерянному Максиму. – Удачи, крошка! – попрощалась она с пустоголовой блондинкой, которая, тараща на нее васильковые глаза, пыталась оценить ситуацию.

Уже в теплом салоне машины Лиза дала волю чувствам. «Папка, папочка! Как же ты был прав... Папочка, где ты? Мне так плохо без тебя», – плакала она, размазывая по лицу слезы.

Скучающий гаишник, поигрывая полосатым жезлом, хотел было остановить красный «Пежо», но, увидев за рулем зареванное девчоночье лицо, передумал.

Котеночкин искоса наблюдал за Елизаветой. Та казалась последнее время какой-то странной. Бледная, поникшая, не то больная, не то замотанная делами, она приходила ровно к девяти часам утра, молча садилась за стол и погружалась в работу. О ее присутствии свидетельствовали лишь редкие горестные вздохи да еще, пожалуй, поскрипывание ручки по бумаге. Вот и сегодня, просматривая видеоматериалы, запечатлевшие захват Суворовым здания городской администрации, чокнутая девица смотрела не на экран, а будто бы сквозь него.

«Что до меня, – размечтался Котеночкин, – я бы ни одну бабу не подпустил близко к юридической деятельности. Котлеты жарить – пожалуйста, детишек воспитывать – да ради бога! А то сидит тут такая фифа с маникюром и воображает из себя невесту что. А сама как пить дать только о замужестве и думает... Эта дурочка и не подозревает, что именно с этой самой кассеты все и началось. Я вычислил слабое звено в организации Суворова. А теперь я знаю предателя в лицо...»

Видеоматериал был выше всяких похвал. Большинство из тех, кто на настоящий момент был арестован, принимали участие в захвате здания администрации.

Вот Суворов... Взволнованный, с лихорадочным блеском в глазах, он тем не менее пытается совладать с собой. На публике держится превосходно: открыт, общителен, по-мальчишески привлекателен.

Но заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы было предельно ясным: «У Суворова А.П. выявлены такие индивидуально-психологические особенности, как активность позиции, выраженная тенденция к доминированию, высокий уровень притязаний, развитое чувство соперничества, агрессивное реагирование при противодействии окружающих». И еще одно важное замечание: «...стремление к преодолению любых препятствий, стоящих на пути к реализации своих намерений».

В справедливости этого заключения Котеночкин убедился на собственном опыте, да и не только он один. Арестованный Суворов вел себя крайне нахально, на замечания не реагировал, пытался «качать права». Нанятые им за бешеные деньги московские адвокаты брали приступом областную прокуратуру и следственный изолятор, где находился их подопечный. На следователей хлынул ливень телефонных звонков из самых разных инстанций с требованием прекратить беспредел и освободить из-под стражи жертву государственного произвола. Требующих было много: лидер одной известной политической партии, руководители высшего и среднего звена, звезды шоу-бизнеса, коллективы детских садов, больниц. Пришло даже послание, подписанное американскими журналистами. Некая Дейна Эванс, расфуфыренная эксцентричная особа, почтила своим присутствием областную прокуратуру. Отказать ей в приеме было бы неприлично, и бедняги-следователи, собрав скудный школьный запас английских выражений, попытались ей объяснить, что Суворов – это «рашин мафия». Начальник следственного отдела старался больше других: он закатывал глаза, изображал «пиф-паф». Неизвестно, что поняла американская журналистка, но она явно была недовольна. Скорчив выразительную мину, что

означало, по-видимому, «фи!», она удалилась, покачивая крутыми бедрами. Следователи остались в недоумении: чего ждать – международного скандала или даже появления самого американского президента?

Немало хлопот доставил и ближайший помощник Александра – Зверев. Отличаясь недюжинной физической силой, свирепостью дикого кабана, он конфликтовал со всеми и с каждым, на контакт со следствием не шел. Чтобы нейтрализовать влияние Суворова, Зверева поместили в другой следственный изолятор в селе Калач. Но и оттуда периодически приходили жалобы: неподчинение, ссоры, драки и прочее.

Более разумно держался Олег Марьин. Он воспринял свой арест как ситуацию, которую при любых условиях необходимо пережить. Поскольку он в отличие от многих других приближенных Суворову лиц обладал высокоразвитым мышлением, житейской изворотливостью и практической жилкой, иметь с ним дело было занятием менее опасным и обременительным, хотя и не более полезным, чем с остальными. Он не поносил следователей и оперсостав, мило улыбался, давал какие-то показания, но толку от всего этого было чуть. Он хитро вводил всех в заблуждение, и подкопаться к его словам было крайне сложно.

То, что на обвиняемых оказывался жестокий прессинг, причем дело не ограничивалось только психологическим воздействием, было Котеночкину известно. Он не порицал насилия, поскольку считал это необходимым злом. Но было очевидно, что арестованные боятся больше возмездия Суворова, чем туманов оперативных работников. Некий Гурвич, оказавшийся не в меру откровенным, был поощрен следствием изменением ему меры пресечения на залог. Но воспользоваться желанной свободой он смог весьма ограниченно. Погуляв пару недель по улицам родного города, он был обнаружен в сточной канаве с пулевыми ранениями в голову.

Положение было более чем серьезным. Несмотря на зеленый свет, данный из Москвы, следователи столкнулись со значительными сложностями. Все инкриминируемые Суворову преступления были в свое время заблокированы неустановлением лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Со дня совершения многих деяний прошли годы, и установить все детали происшедшего было задачей невыполнимой... Часть подозреваемых, успевших вовремя сориентироваться, ушла в бег. Часть суворовского окружения, не установленная следствием и замаскированная под обычных горожан, объявила партизанскую войну. Свидетели, напуганные до невозможности, в прокуратуру шли неохотно, откровенно пренебрегая повестками и телефонными приглашениями. На допросах лепетали что-то невразумительное, краснели, бледнели, использовали любую возможность, чтобы освободиться от дотошного внимания правоохранительных органов. Сроки следствия и сроки содержания под стражей продлевались без проблем, но реальных достижений было маловато. Отсутствовала четкая стратегия расследования, схема действий. Нужна была информация. И эту информацию должен был дать кто-то из близких Суворову лиц.

Просматривая видеоматериал еще тогда, несколько месяцев назад, Котеночкин напряженно размышлял. Должно же быть в окружении Суворова слабое звено – тот, кто даст полный расклад интересующих следствие сведений. Кто им окажется: Зверев, Марьин, Василевский, а может, кто-то еще? Возможно... возможно.

Он гонял кассету вперед и назад и наконец нажал паузу. Вот трибуна перед зданием администрации, а на ней стоят близкие Суворову лица. Сам Александр Петрович толкает речь, они внимают. Следователь напрягся... Вот оно! Ладони Котеночкина стали влажными. Он знает, откуда следует начать!

Помнится, через несколько дней Котеночкин положил на стол перед начальником следственного отдела заполненный бланк протокола допроса.

– Что это? – спросил озадаченный Кромин.

– А вы почитайте, почитайте... – сладким голосом пропел Котеночкин.

Кромин начал читать без особого интереса, но вскоре его брови поползли куда-то вверх, глаза приняли форму блюдца.

– Да это же бомба! – воскликнул он. – Господи, как тебе это удалось?

Котеночкин скромно потупился. Действительно, собранные им сведения по силе своего воздействия могли повлечь за собой взрыв, ураган, смерч. Все, что угодно! Это был полный расклад криминальной деятельности Суворова и его людей, включающий список конкретных преступлений, совершенных силами его организации. Тут же были проставлены даты, исполнители, возможная доказательственная база. Особенно впечатляло детальное описание иерархии преступного сообщества – от самых «низов» до лиц близкого Суворову круга. В протоколе содержался поименный состав экономического и политического блоков, а также бригады «фашиков». Допрашиваемый дал полное представление следствию об источниках финансирования общей кассы, о движении денежных средств, о лицах, ответственных за «общак». Словом, значение этого документа для следствия было революционным.

Кромин, прочитав еще раз, вернулся к титульному листу.

– «Протокол допроса Ивановского Ивана Ивановича»... Слушай, а кто этот молодец? – нахмурился он. – Что-то я такого не припомню.

– Все очень просто, – пожал плечами Котеночкин. – Это инкогнито. Ивановский – это псевдоним человека, который решил добровольно помочь следствию, но опасается, что его ждет кара «суворовцев».

– Не буду больше спрашивать, как ты всего этого добился, но проясни дальнейший ход твоих действий. Как я понял, ты не собираешься открывать фамилию этого человека до суда?

– Я думаю, что открывать его даже во время судебного следствия не возникнет необходимости. Этот человек дал нам скелет, и я имею представление, как на него нарастить мясо. Теперь мы будем знать, куда двигаться и у кого спрашивать...

Котеночкин зажмурился, как сытый и довольный котяра. Кто бы мог подумать, что его догадка окажется правильной. Он вспомнил, как независимо держался этот Лжеивановский во время первых допросов. Казалось, на кривой козе к нему не подъедешь. Следователь только кусал от злости локти. Но старательность, упорство и редкий педантизм дают свои результаты! Собранный на этого человечка материал оказался настолько сильным, что не оставлял для него возможности выбора. Говоря о добровольном желании Ивановского помочь следствию, Котеночкин сильно лукавил. Тот просто был приперт к стенке, причем так плотно, что не мог и охнуть. Под условием полной конфиденциальности инкогнито дал нужные показания. Как ни стремился он юлить и изворачиваться, Котеночкин был беспощаден. Он вытянул необходимую информацию даже в большем объеме, чем надеялся ранее. Теперь аноним повязан! Следователь представлял, на какое существование обречен Ивановский. Стресс... страх... ожидание разоблачения. Котеночкин обещал, что его настоящая фамилия будет сохранена в тайне, даже от сослуживцев. Что же, он, пожалуй, выполнит то, о чем его просил аноним. Настоящая фамилия предателя будет забыта... до суда. А там поглядим! В конце концов, почему он должен кого-то жалеть? Тем более *его*. Такие люди никогда не вызвали жалости у окружающих. *Подделом ему!*

...«Ольга! Ольга!» – как заклинание твердил Суворов. Трезвый расчет говорил о том, что выбор его был сделан, как всегда, безошибочно. Эта женщина, чье влияние на него было так же сильно, как ушедшей в мир иной матери, не оставит его без помощи. Прошло несколько лет после их первой встречи, но он трепетно хранил в своем сердце милые сердцу воспоминания...

Это случилось после одной из поездок в Испанию. Решив наскоро отовариться дежурными подарками многочисленным знакомым, Александр заскочил в шереметьевский «Duty Free». Молодая красавица, немного неестественная в образе продавца пусть даже элитной парфюмерии, накрепко запала ему в душу. Он так и не смог понять: то ли ее фотомодельная внеш-

ность возбудила все его мужское естество, то ли ее манера вести себя. Она была услужлива, профессионально любезна, но как-то отстраненна, не то чтобы холодна, но до крайности равнодушна к его мужскому обаянию. Не имея определенной цели, Александр решил повторить встречу. Узнав, в какое время заканчивается ее рабочая смена, он подъехал к зданию аэропорта.

Желая произвести впечатление, он тщательно отнесся к выбору одежды. Легкая летняя рубашка без рукавов и белые брюки не создавали впечатления дороговизны, но зато позволяли оценить развитую мускулатуру рук, загорелую кожу и белозубую улыбку. На этом фоне голубые глаза приобрели яркий насыщенный цвет и приятно контрастировали с темными волосами. Александр оглядел себя в зеркало и остался доволен. Кортёж Суворова составляли три роскошные иномарки, которые, по его представлению, должны были произвести убийственное впечатление на московскую продавщицу.

Ольга не отказалась от предложения подвезти ее до дома, но даже не взглянула на автомобильный караван Суворова.

– На «Речной вокзал», – только и сказала она, будто бы обращалась к водителю такси.

Суворов не подал вида, что обижен. По дороге он так и эдак пытался разговорить Ольгу. Он использовал все свое остроумие, но вынужден был признать, что оно ее, похоже, совсем не впечатлило. Немного озадаченный, он осведомился о ее планах на вечер.

– Хочу отдохнуть. Завтра опять моя смена, – ответила она и наотрез отказалась провести вечер в его приятном обществе.

У подъезда она коротко кивнула ему, даже не поблагодарив за услугу. Суворов обалдело смотрел ей вслед и, пожалуй, первый раз за всю свою историю общения с женщинами не знал, что предпринять. Лесин и Марьин, удивленные ничуть не меньше Александра, старались делать вид, что не замечают, как их шефа, образно говоря, посадили в лужу.

– По машинам! – рявкнул раздосадованный Суворов.

Назавтра они должны были лететь домой, но поездка была отложена на неопределенное время по еще более неопределенным причинам. Каждый день Александр исправно сопровождал Ольгу на работу и встречал по ее окончании. Ольга это своеобразное ухаживание воспринимала без каких-либо эмоций, как само собой разумеющееся.

«Она меня выставляет на посмешище! Кто я ей, извозчик?» – кипятился про себя Суворов. Размышляя о причинах Ольгиного равнодушия, он пришел к выводу, что она просто избалованная, наглая столичная девица. «Да кто она такая? Продавщица! Что она о себе вообразила? Да стоит мне захотеть, я куплю дюжину таких, как она. Оптом!» Но тут же понимал: дюжину, но не ее. Своими мыслями Александр ни с кем не делился. Даже верный Марьин, пытаясь развить открытую мужчинами истину о том, что «все бабы одинаковы...», нарвался на такой гневный окрик, что больше не решался выступить в роли психотерапевта. Суворов злился, ругал ее всякими словами, но словно дрессированный пес каждое утро ждал у знакомого подъезда и замирал в ожидании ее улыбки.

Прогресс в отношениях был, но какой-то маловпечатляющий. Они разговаривали о том о сем, сходили раз пообедать, но о большем не было и речи. Ольга не любила о себе рассказывать, и за две недели он не узнал о ней ровным счетом ничего. Она со вкусом одевалась, хорошо разбиралась в парфюмерии, имела собственную квартиру. «Родители помогли...» – отмахнулась она в ответ на его не совсем деликатный вопрос. Обстановка в квартире была тоже не дешевой, из чего Александр сделал вывод, что родители Ольги, видимо, состоятельные люди.

Сблизил их довольно странный случай... Ольга благосклонно приняла предложение Александра, и они летним вечером пошли прогуляться по набережной Москвы-реки. Погода была великолепной. Суворов, тайком разглядывая молодую женщину, идущую с ним рядом, не мог не восхищаться ее физическим совершенством. Она была одета в простое льняное белое платье, но Александру казалась удивительной красавицей. Двигаясь плавно, какой-то неземной

летающей походкой, она приковывала к себе заинтересованные взгляды мужчин и завистливые – женщин. Ее оглядывали внимательно, оценивающе. Затем уже бросали взгляд на Александра, интересуясь спутником пикантной дамы. Суворов был несказанно горд.

– Послушай, ты профессионально легко двигаешься, – заметил он. – Ты никогда не работала моделью?

– Я? – удивилась Ольга, потом засмеялась. – Никогда. И более того, терпеть не могу эту профессию.

Она была в прекрасном расположении духа. Они болтали обо всем и ни о чем, пока к ним не подошла нищенка. Ведя за руку девочку лет шести, она просила помочь деньгами. Ребенок был грязен и неухожен. Неопрятные колготки с дырами открывали взгляду худенькие торчащие коленки. Девочка ковырялась в носу и с любопытством поглядывала на красивую молодую пару.

Александр, хоть и не отличался жалостью к подобным людям, сразу полез в кошелек. Но Ольга схватила его за руку:

– Не делай этого! Ты что, не видишь – это же пьянчуга! Погляди, до чего она ребенка довела. Думаешь, еду на твои деньги купит? Да она их пропьет в два счета!

Александр неохотно, но все же спрятал кошелек. Ему-то проще было дать оборванке денег, да и забыть о ней тут же. Его удивила столь горячая реакция Ольги на такую привычную для каждого россиянина сцену.

Нищенка оказалась с норовом. Услышав слова Ольги, она неожиданно оскорбилась:

– Ишь какая! Шалава разряженная! А чем ты лучше нас, хотела бы я знать? Подумаешь, платье без заплат носишь...

Женщина осеклась. Брови девушки сошлись на переносице. Глаза восхитительного орехового цвета вмиг стали почти черными. Она стиснула Александра за руку так, что он от неожиданности крикнул. Такая резкая реакция напугала его ничуть не меньше, чем бедолагу нищенку. Ему показалось, что она сейчас ударит женщину, и поспешил вмешаться.

– А ну, пошла вон! – крикнул он.

Но женщине не надо было повторять дважды. Она поспешно удирала, волоча девчонку за руку.

– Что ты так расстроилась? – мягко спросил он.

Ольга без объяснения причин вдруг разрыдалась. Александр вконец растерялся. Нерешительно он взял ее за плечо, готовый к отпору, но девушка неожиданно подчинилась. Он прижал ее к себе и начал поглаживать ее блестящие каштановые волосы. Она не сопротивлялась. Этот обычный жест человеческой нежности вдруг так подействовал на нее, что она заплакала еще сильнее. Они сели на скамейку, где и просидели до сумерек, не говоря ни слова. Александр чувствовал себя счастливейшим из смертных и готов был отдать дуре-нищенке все содержимое своего кошелька за эту свалившуюся на него с неба удачу.

После этого случая их отношения волшебным образом изменились. Ольга открылась для него совсем с другой, неожиданной стороны. Она уже не обжигала Александра холодом, а подарила ему столько тепла, что он просто тонул в омуте ее души. Они наслаждались обществом друг друга. Несмотря на волнения Александра перед их первым интимным свиданием, все прошло на удивление замечательно. Правда, тут его ожидал сюрприз. Ольга оказалась девственницей. Он не был шокирован таким неожиданным открытием, но был несказанно горд. Суворов привык везде быть первым, и мысль о том, что эта женщина принадлежала только ему, пьянила его. Ольга быстро постигала науку любви, и Александр пришел к выводу, что она лучшая из всех женщин, которые когда-либо встречались на его пути.

Ольга ломала все привычные для него рамки и представления о слабом поле. Она была совершенно равнодушна к его материальному благополучию и наотрез отказалась принимать от него деньги и дорогие подарки. Более того, казалось, ее совершенно не волновал вопрос,

смогут ли они пожениться. К ее приезду он готовил роскошный прием. Квартиру, которая стала их временным любовным гнездышком, Александр обставил по последнему дизайнерскому писку. В ванной комнате гостью дожидались самые дорогие средства по уходу за собой: кремы, шампуни, гели, дезодоранты, духи. Коробочки, баночки, футлярички с декоративной косметикой заполняли недра зеркального шкафчика. Банный халат, пижама, дюжина ночных сорочек покоились в ожидании своей прекрасной обладательницы. Постельное белье, посуда, цветы в горшках – все подбиралось специально для нее. За час до ее появления нанятые специально помощницы закончили наведение идеального порядка и удалились.

Ольга же, осмотрев все это великолепие, молвила лишь:

– Здесь очень мило.

Но Александру и этого было достаточно. Суворов немного комплексовал, что столичной гостье придется не по душе индустриальный, забитый до отказа заводами городок. Но Ольге пришлось по душе великолепная природа этих мест.

– Знаешь, здесь не хуже, чем в Швейцарии.

– А ты была в Швейцарии? С кем? – встрепенулся Александр.

– С родителями, дурачок! – засмеялась она, ласково потрепав его по щеке.

Он успокоился.

Они проводили вместе незабываемые дни и бесконечные ночи. Александр мало-помалу рассказал ей все о своей жизни и своих занятиях. Она была в курсе его проблем и даже дала несколько советов. К удивлению Александра, они оказались на редкость дельными, что еще больше возвысило ее в его глазах. Ольга уже была знакома с его друзьями. Александр неоднократно брал ее с собой, и она присутствовала при встречах, разговорах – словом, везде, где был он. Поначалу он опасался, что такая жизнь ей быстро наскучит и она запросится домой. Но она быстро приспособилась к его ритму жизни, искренне переживала за него и принимала близко к сердцу все его проблемы и заботы.

Когда разразился скандал с директором комбината «Сокол» старым маразматиком Громовым, Суворов, как, впрочем, и другие его товарищи, долго не мог разрешить конфликт. Старикан упорно стоял на своем: покуда суворовские фирмы не погасят задолженности перед комбинатом, ни один ящик водки не попадет к ним на прежних условиях, то есть без предоплаты. Вход «суворовцам» на комбинат был заказан. Александр тогда просто сбился с ног: обещал старику золотые горы, жаловался на происки конкурентов, невезение и недобросовестность реализаторов. Он обещал исправиться, наказать виновных, просил, умолял, но Громов стоял подобно скале. Утомившись ползать на коленях перед твердолобым упрямым, Александр сменил тактику. В ход пошли угрозы, психическое давление, испытанные трюки с анонимными телефонными звонками, траурными венками, которые ставили под дверь старика. Громов заметно сдавал здоровьем, но терпел.

Конечно, Ольга была наслышана о конфликте с директором «Сокола». Наблюдая, как Александр становится день ото дня мрачнее, она не выдержала:

– Милый, здесь есть только один вариант...

– Какой же?

– Ты сам знаешь... Его надо убирать.

Александр не верил своим ушам. Быть не может, чтобы эта ангельски красивая и любящая женщина могла предложить такое.

– Говоря «убирать», ты имеешь в виду...

Он еще надеялся, что она неправильно понимает смысл сказанного.

– Я имею в виду то же, что и все остальные. Убирать – то есть физически устранять. Убивать в конце концов! Но мне не очень нравится это выражение, – развеяла она его последние иллюзии.

Он уставился на нее, пытаясь разгадать, не шутит ли она. Но ничего подобного! Ольга была серьезна как никогда. Александра это неприятно поразило.

– Ты ведь сам говоришь, что он чинит тебе препятствия. Он ставит под удар весь твой бизнес. Прости, милый, но бизнес – это игра. И тот, кто играет не по правилам, часто оказывается на обочине. Кроме того, я не могу видеть, как ты изводишь себя...

Последний аргумент понравился ему. Он внимательно посмотрел на нее. Действительно, раньше он никогда не встречал такой понимающей женщины.

Ольга и не предполагала, что ее доводы оказались решающими в судьбе Георгия Громова....

Суворов помнил ту ночь, когда он явился домой после того, как все было закончено. Именно она, Ольга, сидела с ним рядом, храня тишину застывшей в предутреннем мраке квартиры. Когда раздался телефонный звонок и Марьин, опасаясь возможного прослушивания, дал понять Суворову, что Громов и его зять остались живы, только она, Ольга, не потеряла самообладания.

Она обняла его за плечи и тихонько сказала:

– Собирайся... Ты должен быть в больнице.

Как показало время, это был единственный разумный выход. Хвала господу, Громов оказался на небесах раньше, чем бледный Суворов с увесистой сумкой гостинцев нарисовался на пороге больничной палаты. Старик не пришел в сознание. Его зятю повезло больше, но после соответствующей суворовской обработки он не посмел пикнуть в прокуратуре, проронить хотя бы слово из того, о чем знал.

Ольга помогала и в дальнейшем... Ее советы ничем не уступали в правильности и дальновидности советам умника Марьиной, а по силе духа она могла бы потягаться с самим Александром. Она не требовала для себя ничего, но давала ему все. Она была загадочна, рассудительна и холодна. Вместе с тем – темпераментна, обворожительна и губительно женственна. И Александр, запутавшись окончательно и бесповоротно в крайности ее достоинств и недостатков, пришел к сногшибательному выводу, что на его пути встретилась такая любовь, какая бывает только в книгах и сериалах.

Дверь следственного бокса мягко захлопнулась. Грановский поднял глаза. Перед ним стоял Александр Суворов. Он несколько не изменился. Такой же стальной взгляд, упрямый подбородок, крепкая спортивная фигура.

– Вот и увиделись, – чуть насмешливо сказал он. – Помните, я вам сказал, что мы будем с вами дружить? Как в воду глядел.

Грановский молчал. Он не совсем представлял, что нужно отвечать. Неукротимая, бьющая через край колючих глаз энергия парализовывала, подавляла волю собеседника.

– Расслабьтесь, Семен Иосифович. Мы нуждаемся друг в друге. Ведь так? Не беспокойтесь, я буду самым дисциплинированным вашим подзащитным. Я имею собственное мнение, но в правовых вопросах полностью положусь на вас.

Грановский с удивлением поймал себя на мысли, что ему не хочется ставить Суворова на место, навязывать свои правила игры. И вилла здесь, пожалуй, ни при чем. Он скорее почувствовал перед собой непреодолимую силу где-то на уровне подсознания, как некую каменную стену, о которую можно разбиться.

– Я ознакомился с вашим делом, – начал он.

– Ну, и что скажете? Надеюсь, вы не приняли во внимание всю эту чепуху про преступное сообщество, бандитские формирования и тому подобный мусор?

– Если и принял, то очень избирательно, критически. Не мне вам говорить, Александр, но вам вменяют довольно обширный послужной список.

– Что верно, то верно, – усмехнулся Александр. – Надеюсь, мое дело не безнадежно?

– Отнюдь... За пестрыми эффектными фразами, рассчитанными на досужего обывателя, скрывается слабенькая доказательственная база. – Грановский перелистал свои записи и развел руками. – Следствие по большинству из инкриминируемых вам деяний было в свое время приостановлено за неустановлением лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Когда же его возобновили, то по истечении времени была утеряна возможность отыскать доказательства. С позволения сказать, многие дела «натянули» под вас, обернули общими фразами, подтвердили ничего не значащими бумажками. Состряпали дельце, как пирог по заказу. Многие утверждения следствия ничем не подтверждены. В деле масса процессуальных нарушений.

Александр напряженно следил за речью собеседника:

– Значит, вы полагаете, у меня есть шансы?

– Несомненно. Однако, уважаемый Александр Петрович, опустимся с небесных высот на матушку-землю... В деле есть определенные сложности, и вы должны отдавать себе в этом отчет.

– Вы имеете в виду показания настроенных против меня лиц?

Грановский поморщился:

– Не совсем так. Это как раз поправимо. Надеюсь, у вас остались верные друзья на свободе? Не правда ли?

– Конечно.

– Тогда эту проблему мы решим.

– Если уж речь зашла об этом, вот еще что меня волнует... – Суворов нахмурился. – В деле есть показания некоего Ивановского Ивана Ивановича. Начнем с того, что мне эта фамилия ничего не говорит. Мало того, содержание его показаний меня здорово настораживает. Если отбросить всю словесную шелуху, которая явно записана под диктовку следователя, останется достоверная информация, которой мало кто мог обладать. Как вы думаете, неужели к нам в организацию был внедрен кто-то со стороны?

– Да, я читал его показания. Вы верно заметили, большая их часть написана сухим профессиональным языком. Без сомнения, руку к этому приложил опытный юрист, этакий аналитик. Творчески расписана структура сообщества, иерархия его членов, клятвы на крови, железная дисциплина... Берет за душу. – Грановский позволил себе усмехнуться.

– Это не шутка! – повысил тон Суворов. – Поймите же, этот мерзавец знает то, что известно только ограниченному кругу лиц. Поименный состав моих людей, род занятий каждого, формирование кассы, распределение денежных средств и так далее... Как близко нужно было подойти ко мне, чтобы все это разноухать!

– Вы сами ответили на свой вопрос, Александр. Никого к вам не подсовывали. Этот мерзавец – один из вашего близкого окружения. Просто он до поры до времени скрыт под маской Ивановского.

– Вы хотите сказать...

– Совершенно верно. Ивановский – это псевдоним. Лицо, скрывающееся под ним, по разным причинам – а это, как правило, боязнь мести – не хочет до поры обнаруживать себя. Хотя я думаю, что в этом вопросе нет интриги, вы сами его прекрасно знаете.

– Догадываюсь... – Лицо Суворова исказила бешеная злоба, но уже через пару секунд он держал себя в руках. – Насколько опасны для нас эти показания?

– Протокол допроса Ивановского не может быть доказательством до тех пор, пока аноним не обнаружит себя и не подтвердит данные им показания уже от своего настоящего имени. Случится это или нет, пока загадывать сложно. Вероятно, обвинение прибережет этот козырь на крайний случай. Тогда все и всплывет. Я думаю, нам рановато задумываться об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.